

✓ К-14038
300070

ISSN 0453-8048

ISSN 0135-1834

ВЕСТНИК

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 196
C

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Выпуск 13

1 р. 10 к.

Вестн. Харьк. ун-та, 1980, № 196, 1—108.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
№196

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

ВЫПУСК 13

Основан в 1966 г.

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЩА ШКОЛА»
1980

Иностранные языки, вып. 13. Вестн. Харьк. ун-та, № 196. — Харьков: издательское объединение «Вища школа», 1980. 108 с.

Статьи вестника являются результатом исследований, проведенных с использованием традиционных методов, структурно-вероятностного анализа и экспериментов в преподавании иностранных языков в вузе и школе. Освещается широкий круг актуальных проблем в языкознании и методике преподавания иностранных языков.

Для научных работников, преподавателей и аспирантов.

Редакционная коллегия: А. С. Калиниченко (отв. ред.), Ж. Е. Потапова (отв. секр.), Н. Н. Анютин, В. И. Безуглый, А. И. Дородных, Г. В. Ейгер, В. И. Каравакин.

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, ф-т иностранных языков, тел. 40-18-05.

Редакция гуманитарной литературы.

В 70104—008
М226(04) — 80

© Харьковский государственный университет, 1980

Центральна наукова
бібліотека ХДУ
ІНВ. № 300070

А. И. ДОРОДНЫХ, канд. филол. наук

О КАТЕГОРИИ СЛЕДОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Советские лингвисты придерживаются в основном двух точек зрения относительно статуса сочетания «shall/will + инфинитив». Большинство ученых традиционно считают его аналитической формой будущего времени [см. 4, 5, 7, 9 и др.]. Сторонники второй точки зрения утверждают, что указанное сочетание отличается от других аналитических форм английского языка отсутствием так называемой прерывистой морфемы. Кроме того, они справедливо отмечают, что термин «будущее в прошедшем» противоречит одному из важнейших принципов выделения грамматических категорий — взаимоисключаемости форм, конституирующих грамматическую категорию [1].

На парадокс «будущего в прошедшем» обращали внимание многие лингвисты. А. И. Смирницкий, пытаясь разрешить проблему, предложил считать «should/would + инфинитив» формой наклонения. Однако такое толкование вопроса не получило широкого распространения, так как различие между предложениями типа *I thought it would rain* и *I think it would rain if it were not so windy* [7] очевидно. Интересна попытка Б. С. Хаймовича и Б. И. Роговской устранить противоречие путем выделения «категории следования», представленной оппозицией *shall/will come—should/would come, shall/will be writing—should/would be writing* [7]. К сожалению, предлагаемая интерпретация недостаточно убедительна по двум причинам: авторы нарушают сформулированное А. И. Смирницким и признаваемое ими самими [7, с. 25] правило, согласно которому аналитические формы соотносятся с синтетическими и противопоставляются им, а не друг другу; «следование» выражают оба члена указанной оппозиции (о семантическом содержании форм будущего времени см. [2, с. 80]), в то время как в английском языке грамматические категории представлены привативными оппозициями, где немаркированная форма противопоставляется маркированной [1, с. 46].

Согласно точке зрения зарубежных лингвистов (у нас в стране ее разделяет Л. С. Бархударов), сочетание «shall/

/will + инфинитив» должно рассматриваться в одном ряду с сочетанием «модальный глагол + инфинитив» [1, 6]. Однако между ними существуют как формальные, так и семантические различия.

Во-первых, принято считать, что shall и will имеют усеченную форму 'll*, модальные же глаголы могут только редуцироваться в беглой речи.

Во-вторых, можно привести множество примеров, где shall или will почти не имеют каких-либо оттенков модальных значений, кроме значения «будущего времени» изъявительного наклонения [см., напр., 9, с. 155]. Как утверждают Лич и Свартвик [8, с. 134—135], вопросы типа When will you be moving? или When will you be visiting us again? задают именно для того, чтобы исключить возможность их истолкования адресатом иначе, чем вопросы о будущем переезде или приезде в гости. С другой стороны, модальные оттенки, приписываемые shall и will, свойственны и синтетическим формам будущего времени, в частности в русском и украинском языках: Возьмешь мне билет? Не возьму (пример наш. — А. Д.). Ви зробите все, що я просив, і не треба більше розмовляти [9]. На основании сказанного мы предлагаем, несколько модифицируя идею Б. С. Хаймовича и Б. И. Роговской, представлять категорию следования оппозицией come/comes — shall/will come came — should/would come и т. д. В этом случае противопоставление конструкций «shall/will + инфинитив» и «should/would + инфинитив» по линии времени не будет противоречить принципу взаимоисключаемости категориальных форм.

Трактовка упомянутых конструкций как форм категории следования разрешает также проблему статуса «should/would + + инфинитив» в предложениях нереального условия. Ср.: I'll lend Peter the money if he needs it и I'd lend Peter the money if he needed it [8]. Здесь формы 'll (will) и 'd (would) в главных предложениях, как и формы needs и needed в придаточных условия, противопоставляются по линии наклонения.

Рассмотрение следования в качестве семантического содержания форм «shall/will + инфинитив» делает понятной незначительную употребительность последних в условных придаточных предложениях, самый смысл которых исключает возможность наличия значения «следование».

Можно утверждать также, что формы категории следования имеют прерывистую морфему, которую Л. С. Бархударов считает главным признаком аналитических форм. В английском языке он выделяет прерывистые морфемы перфекта (have = = + -en), длительного вида (be = + -ing), страдательного залога

---

* Мы все же склонны думать, что 'll является усеченной формой только will [3, 8, 9] и употребляется вместо shall вследствие общей тенденции к вытеснению глагола shall глаголом will как конститuentов форм «будущего времени» для первого лица [3].

(be = +en) и инфинитива (to + Ø Infinitiv) [1, с. 69, 148]. Согласно определению Л. С. Бархударова, прерывистая морфема есть особый тип словоизменительных морфем. Она состоит из двух несмежных частей: основы служебного слова и аффикса или морфа замещения (им может быть и нулевой морф) в знаменательном слове. К первой части прерывистой морфемы можно присоединить другую морфему. Так, в *has taken* к основе вспомогательного глагола (*have*) присоединена морфема третьего лица [1, с. 69].

Нельзя не согласиться с Л. С. Бархударовым, что трактовка «*shall/will* + инфинитив» как формы будущего времени исключает наличие прерывистой морфемы, так как, согласно традиционным представлениям, слово *shall* (*will*) или его последний элемент (но не основа) в сочетании с немаркированным инфинитивом является носителем значения будущего времени. Если же считать «*shall/will* + инфинитив» формой категории следования, то *основа служебного слова* (термин Л. С. Бархударова) в сочетании с немаркированным инфинитивом станет носителем значения следования, а сама основа будет присоединять другие морфемы (напр., морфему прошедшего времени). Таким образом, прерывистая морфема следования может быть записана как (*shall/will* = + Ø). Принимая во внимание то, что в рассматриваемых конструкциях *will* вытесняет *shall*, целесообразно переписать эту морфему как (*will* = + Ø).

Однако критерий прерывистой морфемы не гарантирует однозначного решения проблемы аналитических форм. Так, Л. С. Бархударов не признает аналитических форм сравнения прилагательных в английском языке, не находя у них прерывистых морфем. Поэтому все аналитические формы, признаваемые им, находятся в отношении контрастной дистрибуции с синтетическими. В то же время в других языках общепризнанные аналитические формы, представленные прерывистыми морфемами, могут находиться в отношениях дополнительной дистрибуции (аналитическая форма будущего времени в русском языке) или свободного варьирования (аналитическая форма будущего времени в украинском языке) с синтетическими. Некоторые авторы на основании дополнительной дистрибуции считают конструкции «*more/most* + прилагательное» аналитическими формами сравнения прилагательных [7, с. 77]. Кроме того, они могут быть записаны в виде прерывистых морфем (*more* + Ø) или (*most* + Ø) (ср. с прерывистой морфемой инфинитива (*to* + Ø)).

Предложенная трактовка конструкций «*shall/will* + инфинитив» требует дальнейшего обоснования, что автор и надеется сделать в ближайшем будущем.

Список литературы: 1. Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., Высшая школа, 1975, 156 с. 2. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., Наука, 1971, 115 с. 3. Дородных А. И. Shall—will, should—would в региональных вариантах английского языка. — В кн.: Вестн. Харьк. ун-та, № 128. Серия иностр. яз., вып. 8, 1975, с. 46—51. 4. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., Изд-во иностр. лит., 1959. 440 с. 5. Ilyish B. The Structure of Modern English. Leningrad, 1971, 366 p. 6. Jespersen O. Essentials of English Grammar. London, 1933. 387 p. 7. Khaimovich B. S., Rogovskaya B. I. A Course in English Grammar. Moscow, 1967. 298 p. 8. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. London, Longman, 1975. 324 p. 9. Rayevska N. M. Modern English Grammar. Kiev, 1976. 304 p.

Ю. Ф. ЕЩЕНКО, канд. филол. наук

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ

Явление номинации представляет собой отображение внеязыковой действительности в языке. Его особенность заключается в двукратной соотнесенности с предметным рядом: в качестве номинативных знаков (слов), а также в качестве или в составе предикативных знаков (фраз, высказываний) в актуальной речи, синтагматике.

Слово является простой или элементарной номинацией, так как фиксирует изолированные предметы действительности и их свойства. Предложение представляет собой сложный номинативный знак, поскольку отражает микроситуацию действительности. В современном языкознании его часто называют пропозитивной или событийной номинацией. Существует также третий вид номинации через текст — дискурс. Это форма опосредованной номинации событий: в ней устанавливаются отношения не только между объектами, но и между ситуациями.

Переход фактов внеязыковой действительности в достояние системы и структуры языка происходит в два этапа. Первый охватывает все собственно семантические процессы, начиная с квантования элементов сознания (знаний) на отдельные пропозиции и кончая формированием глубинных синтаксических структур. В типологическом отношении он универсален. Содержание процессов здесь определяется универсальной структурой человеческого мышления [2, с. 123]. Структуры, порождаемые на первом этапе, образуют глубинную, или семантическую часть языка. На втором этапе происходит экспликация компонентов первого, т. е. перевод их из языка в речь, с глубинного (семантического) на поверхностный уровень. При образовании поверхностных структур действует несколько механизмов: актуализация отобранных на предыдущем этапе лексических единиц, их символизация и фонация. Каждый из уровней характеризуется особыми структурными единицами, имеет свой «словарь». Различение слов по семантике, назначению в структуре языка и функ-

ционированию послужило основанием для их многочисленных классификаций.

Еще с античных времен лингвисты подразделяют слова на два больших разряда, которые называются по-разному: слова знаменательные и служебные, полнозначные и неполнозначные, слова-символы и слова-указатели, характеризующие и универсальные знаки, знаки-информаторы и знаки-дистинкторы, полные и пустые слова. Нетрудно заметить, что эти классификации отражают способность или неспособность номинативных единиц быть предметом самостоятельной мысли. Деление слов на два разряда в обобщенном виде отражает внеязыковую действительность, а именно: основные компоненты концептуальной картины мира и существующие между ними отношения.

Среди многочисленных классификаций номинативных единиц одной из главных является классификация по частям речи. Она основывается на семантических особенностях слов, которые определяют категориальное значение последних, выраженное грамматическим оформлением, а также функционированием.

Изучение различных аспектов акта номинации позволило исследователям подразделить номинативные единицы на первичные/вторичные, языковые/речевые, элементные/событийные, самостоятельные/несамостоятельные, расчлененные/нерасчлененные, непосредственные/опосредованные, обобщенные/индивидуализирующие, квалификативные/релятивные, мотивированные/немотивированные [6, с. 230—293]. Это свидетельствует о сложном характере языкового знака, о его многочисленных свойствах в системе и структуре языка. Однако названные классификации не являются исчерпывающими.

В данной статье предлагаются еще три классификации номинативных единиц. Первая основана на месте предикативной единицы в структуре языка. Некоторые ученые считают, что весь понятийный мир человека состоит из двух главных сфер — сферы глагола, охватывающей состояния и действия, и сферы существительного, охватывающей предметы (как физические объекты, так и овеществленные абстракции) [5, с. 144]. По нашему мнению, существует еще одна сфера, которая обозначает признаки предметов, действий, состояний, т. е. сфера прилагательного. Номинативные единицы, обозначающие названные сферы, относятся к структурно обязательным компонентам языка и входят в словарь глубинного и поверхностного уровней. Поэтому существительные, прилагательные и глаголы мы называем базисными номинативными единицами. К ним мы относим также предлоги, которые указывают на отношения, существующие между предметами и действиями (состояниями). Существительные, глаголы и прилагательные являются основными базисными единицами, предлоги — вспомогательными.

Остальные части речи — местоимения, наречия, числительные, артикли, модальные слова, частицы, междометия и союзы —

не входят в глубинную часть языка и образуются на поверхностном уровне при переходе базисных единиц из языка в речь. Этот класс слов назовем поверхностными или ситуативными номинативными единицами. Они выполняют служебную роль при основных базисных единицах.

Основанием для второй классификации стал объект номинации. Всякое высказывание, с одной стороны, отражает концептуальную картину мира, т. е. объективную действительность в сознании говорящего, а с другой — выражает его отношение к действительности. В соответствии с этим номинативные единицы можно подразделить на два больших класса. Назовем их классами номинативных единиц объективного и субъективного значений. Первый включает базисные, а также часть номинативных единиц поверхностного уровня: наречия, числительные, местоимения, артикли; второй — частицы, модальные слова и междометия. Как отмечалось, ситуативные номинативные единицы выполняют служебную роль при основных базисных единицах. Функции ситуативных слов различны, что и явилось основанием для создания третьей функциональной классификации этого класса. В зависимости от выполняемой функции ситуативные единицы делятся на три группы: а) актуализаторы; б) дескрипторы; в) коннекторы. Рассмотрим первые две группы.

Актуализаторы. При переходе из глубинного уровня в поверхностный основные базисные единицы — существительные, прилагательные и глаголы, благодаря контексту и ситуации, приобретают конкретное значение, т. е. актуализуются. Это значит, что виртуальные понятия связываются «с соответствующими им в действительности предметами или процессами, чтобы превратить виртуальные понятия в актуальные» [1, с. 93].

При актуализации номинативная единица приобретает конкретное значение за счет тех дополнительных значений, которые имеет слово в той или иной ситуации. Таким образом, ее объем увеличивается: он включает семантический компонент, представляющий собой совокупность существенных признаков отражаемого объекта, + признак (признаки), конкретизирующий его в каждой отдельной ситуации. Графически переход номинативной единицы из языка в речь можно представить так: $S \rightarrow a + S$, где S — семантический компонент номинативной единицы, a — актуализатор.

По форме актуализаторы могут быть имплицитными, т. е. имеющими нулевую форму выражения — a_0 , и эксплицитными — a_x . Имплицитная форма актуализации существительного характерна для русского и малохарактерна для английского языка, где она ограничена лишь небольшой группой существительных вещественного и абстрактного значений. В предложении *Having set the tea, she stood by the table and said slowly: «Tea's ready Father»* (Galsworthy) все существительные за исключением

теа, где возможны обе формы актуализации, имеют эксплицитную форму актуализации.

Функцию актуализаторов существительного в английском языке выполняют артикли, указательные и неопределенные местоимения, числительные. Значение определенности выражается артиклем the, указательными местоимениями, числительными. Значение неопределенности — артиклем a (an), неопределенными местоимениями.

Характер значения актуализаторов отличается от значения других слов, сопровождающих существительное. Ср.: (a) An elephant likes peanuts. (б) Any elephant likes peanuts. (в) Every elephant likes peanuts. У. Чейф пишет, что значение существительного в предложении (a) таково, что «какого бы слона мы ни взяли из целого класса, он будет соответствовать тому, что сказано в остальной части предложения» [5, с. 235]. В примере (б) подчеркивается, что одновременно наугад выбирается какой-то один слон, а в (в) — что речь идет обо всех индивидах. «Разница, по-видимому, состоит в том, — говорит У. Чейф, — что, с одной стороны, акцент делается на одном наугад взятом слоне, а с другой — на целом классе, состоящем из этих отдельно взятых индивидов» [там же] *.

Местоимения и числительные являются универсальными актуальными знаками, в то время как артикли характерны лишь для языков аналитического строя. Существительное употребляется, как правило, с одним из актуализаторов. Одновременное употребление грамматического и лексического актуализаторов исключено. Выбор актуализатора зависит от семантики актуализируемого знака, а также от ситуации, в которой он фигурирует. Итак, актуализаторы существительного характеризуются следующими признаками: а) грамматическим значением определенности/неопределенности; б) обязательностью употребления.

Актуализация глагола осуществляется посредством грамматических средств — категорий времени и наклонения. В актуализированных глагольных единицах актуальное значение может быть выражено слитно с семантическим при помощи соответствующих морфем или при помощи специальных номинативных знаков — вспомогательных глаголов раздельно с семантическим компонентом (в аналитических формах). Переход глагольной номинативной единицы из языка в речь можно представить так: $V \rightarrow vV$. Так как глагол является центральной частью предложения, то грамматические средства его актуализации относятся ко всему высказыванию. Актуализация пропозитивной номинации осуществляется при помощи категории предикативности, которая понимается в данной работе как

* Подробнее о семантике других актуализаторов (по терминологии У. Чейфа *квантификаторов*) см. [5, с. 233—240; 260—262].

соотнесенность высказываемой мысли с говорящим, с моментом речи и действительностью. Актуализация пропозитивной номинации выражается лексико-грамматически в субъекте действия, выраженного глаголом, и грамматически — категориями времени и наклонения. Иными словами, для актуализации пропозитивной номинации не создаются новые, а используются существующие номинативные единицы более низкого уровня.

Актуализация прилагательного осуществляется соотношением его с существительным, признак которого он приписывает: *The sky is blue. The book is interesting.* Итак, в качестве актуализаторов основных базисных единиц выступают специальные номинативные знаки — артикли, неопределенные и указательные местоимения, числительные и вспомогательные глаголы.

Дескрипторы. Помимо обязательных компонентов в речи существует класс слов, которые тоже конкретизируют значение основных базисных номинаций. Мы назвали их дескрипторами. Они характеризуются факультативностью употребления и употребляются с актуализированными единицами. Характер конкретизации при помощи дескрипторов качественно иной, чем с помощью актуализаторов. По семантике дескрипторы можно разделить на дескрипторы качественного значения и субъективной оценки.

К первым относятся прилагательные и наречия. Они выражают качественную характеристику предметов, явлений, действий, состояний. Прилагательные — основные базисные номинативные единицы. Их употребление перед существительным в роли дескрипции является вторичной функцией (первичной является функция предикатива). Наличие в предложении прилагательных-дескрипторов свидетельствует о сложном характере суждения. Например, предложение *The blue sky was overhead* содержит два суждения: *The sky was blue + The sky was overhead*. Наличие общего семантического компонента — *the sky* и единого механизма предикативности делает возможным их слияние в единое предложение, которое уже нельзя считать элементарным с точки зрения структуры.

Качественное значение выражают и наречия. Следует оговорить, что таковыми мы считаем лишь так называемые качественные наречия, образованные от соответствующих качественных прилагательных при помощи морфемы *-ly*. Слова типа *then, yesterday, to-day, upstairs* и другие часто тоже причисляют к наречиям на том лишь основании, что они выполняют функцию обстоятельства. Рассматривая эти две группы слов, проф. А. И. Смирницкий справедливо отмечал, что они различаются как семантически, так и грамматически. Слова темпорального и локального значений обозначают нечто внешнее по отношению к процессу — условия, в которых он происходит. Они не при-мыкают собственно к глаголу, а относятся ко всему высказыванию. Поэтому причисление их к наречиям представляется

неправомерным. В семантическом и грамматическом плане слова локального и темпорального значений сближаются с существительными и именными сочетаниями в функции обстоятельства места и времени. Ср.: *He lives upstairs* и *He lives on the second floor*, *He went to Moscow yesterday* и *He went to Moscow last year*. Таким образом эти слова целесообразно рассматривать как семантические группы слов локального и темпорального значений в классе существительного вместе со словами типа *mile, kilometre, distance, day, evening*.

Качественным наречиям присуще то же самое значение признака, что и прилагательным. Они примыкают к глаголу, образуя с ним словосочетания, между компонентами которых существуют такие же отношения, как и в сочетаниях прилагательного с существительным. Ср.: *He speaks slowly* и *A slow speech*; *They live happily* и *A happy life*. Поскольку качественные наречия обозначают признак (качество), а теми или иными признаками и качествами может обладать не только процесс, но и другой признак и качество, они могут сочетаться также с прилагательными, выступая по отношению к нему так же, как и прилагательное к определяемому им существительному. Ср.: *wonderfully beautiful — wonderful beauty, awfully dark — awful darkness*. Поэтому, считает проф. А. И. Смирницкий, качественные наречия выполняют ту же синтаксическую функцию, что и прилагательное, — определения (согласно нашей терминологии — дескрипции качественного значения) [4, с. 174].

Дескрипторами субъективной оценки выступает класс слов, выражающих отношение говорящего к высказываемой им мысли. Мы назвали их словами субъективной оценки. Сюда относятся частицы, модальные слова и междометия.

Частицы служат дескрипторами элементарных номинаций: существительного, прилагательного, глагола, наречия. Например: *I am interested only in men* (Saroyan). *We merely wanted to see the girl and take her away* (Dreiser). *You're at just the right distance* (Bennette). ... *he said pompously and yet not quite certainly* (Heym).

Модальные слова и междометия являются дескрипторами пропозитивных номинаций. Модальные слова выражают оценку говорящим степени познанности связей в той или иной ситуации, на которые направлен познавательный акт, и включает проблематическую простую и категорическую достоверность [3, с. 41].

Междометия передают эмоциональное отношение говорящего к высказываемой мысли. Они могут быть представлены как единичными номинациями типа *Oh, ah*, так и целыми словосочетаниями типа *Dear me! Bless us* и другими «нерасчлененными ситуативными номинациями» [6, с. 268]. Итак, все номинативные единицы языка подразделяются на базисные (они входят

в словарь глубинного и поверхностного уровней), актуализаторы и дескрипторы (они составляют словарь поверхностного уровня).

Список литературы: 1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с. 2. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., Наука, 1972. 197 с. 3. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения. — ВЯ, 1977, № 4. 4. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., Изд-во иностр. лит., 1959. 440 с. 5. Чейф Уоллес Л. Значение и структура языка. М., Прогресс, 1975. 432 с. 6. Языковая номинация. М., Наука, 1977. 358 с.

Ю. Ф. КРАСНИКОВ

ПРЕЗЕНС В ЗНАЧЕНИИ БУДУЩЕГО И ЕГО СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Формы будущего времени в современном немецком языке изучены во многих аспектах. Однако исследование какого-либо языкового явления в рамках одного языка не может достаточно полно раскрыть его наиболее характерные черты. Для решения такой задачи необходимо прибегнуть к сопоставительному (контрастивному) анализу разных языковых систем (двух и более), причем как родственных, так и неродственных языков (2, 3, 11).

За основу контрастивного анализа чаще всего берется функциональная (семантическая) эквивалентность, которая является наиболее надежным критерием сравнимости языков [9, р. 11, 3, с. 8]. Анализ включает три основных этапа: а) описание сопоставляемых явлений в каждом из языков; б) установление эквивалентности материалов, отобранных для сопоставления; в) собственно сопоставление [10, р. 39].

Собственно сопоставление осуществляется двумя методическими приемами: сопоставление соотносительных конструкций и форм, не связанных смысловой общностью сопоставляемых лексических единиц; сопоставление на материале перевода с одного языка на другой [1, с. 20—21]. В плане сопоставительного изучения немецкого и русского языков написана книга К. Г. Крушельницкой [4]. В ней рассматриваются в сравнении основные морфологические и синтаксические категории немецкого и соответствующие им категории русского языков. Специальное же сопоставительное изучение будущего времени в этих языках еще не проводилось.

Практическое значение контрастивного исследования будущего времени, а также теоретическая ценность проблемы в плане сопоставительной типологии двух языков определили задачу данной статьи: изучение русских соответствий немецкому футуральному презенсу и установление их эквивалентной значимости. Фактический материал почерпнут нами из литературных

произведений путем сопоставления оригинала и перевода (проанализировано около 1000 примеров из книги Д. Нолля «Приключения Вернера Хольта» и ее перевода на русский язык). В качестве основного метода исследования применен структурно-семантический анализ грамматических форм и конструкций.

Анализ показал, что будущее время в немецком языке выражается преимущественно формами презенса и футурума I (около 80% всех примеров). В остальных случаях оно выражено следующими формами: модальный глагол + инфинитив, претеритум, перфект, кондиционалис I.

Примерам, в которых будущее время в немецких текстах выражено презенсом (около 70% всех примеров), соответствуют девять основных грамматических форм и конструкций русского языка, использованных для обозначения действий в будущем. Эти соответствия имеют различную эквивалентную значимость. В связи с этим мы разделили их на девять групп.

1) *Презенс* — *Бс**. На данное соответствие приходится около 73% примеров с презенсом:

«Morgen setzen** sie Schlachtflieger ein» (Holt, S. 471).

— А завтра **пришлют** штурмовую авиацию (Хольт, с. 475).

«Wo das doch gar nicht feststeht, ob wir den Krieg verlieren!» (Holt, S. 464).

— Ведь неизвестно еще, **проиграем** мы войну или нет (Хольт, с. 470).

2) *Презенс* — *Бн*. К этой группе относятся случаи, когда футуральный презенс переводится на русский язык формами будущего несовершенного вида со вспомогательными глаголами *быть* и *стать*, причем форма с глаголом *быть* употребляется приблизительно в четыре раза чаще, чем форма с глаголом *стать* (23% примеров). На данное соответствие приходится около 8,2% примеров с настоящим временем в немецком тексте, т. е. почти в 10 раз меньше, чем на *презенс* — *Бс*:

«Lassen Sie hören! Aber wenn Sie Unsinn reden, gibt's Mangelhaft!»

— А мы слушаем. Но предупреждаю: если **будете нести околесицу**, придется поставить вам плохо! (Holt, S. 240).

(Хольт, с. 253).

«Ich bin Oberhelfer, ich verderb's mir nicht mit meinen Kameraden» (Holt, S. 154).

— Я старший курсант. Не **стану** я из-за вас **ссориться** с товарищами! (Хольт, с. 167).

* Для грамматических форм и конструкций русского языка мы ввели следующие условные обозначения: *Бс* — будущее время совершенного вида, *Бн* — будущее время несовершенного вида, *Ба* — будущее время глагола *быть*. *Н* — настоящее время, *И* — инфинитив, *МИ* — модальный глагол с инфинитивом, *ГлИ* — глагол со значением будущего + инфинитив, *Сн* — сослагательное наклонение, *П* — прошедшее время.

** Здесь и далее все шрифтовые выделения в примерах — авторов статей. — *Ред.*

Почти во всех примерах со вспомогательным глаголом *stehen* в высказываниях имеется отрицание, выраженное лексически или эмфатически (в первую очередь порядком слов):

«Von so einem militärischen Rindvieh *nehm* ich doch keine Befehle entgegen!» (Holt, S. 13). — Стану я слушаться приказаний какого-то кретина!.. Ведь ты в военном деле ни бе ни ме! (Хольт, с. 28).

В «Грамматике современного русского литературного языка» под ред. Н. Ю. Шведовой указано, что форма *стану* с инфинитивом «обычно вносит значение начинательности, которое не проявляется лишь в определенных условиях», среди которых названы следующие: «... 3) при наличии отрицания... 4) при экспрессивном выражении отрицания (Стану я всякие глупости слушать!); 5) в стилизации народной речи: «Стану сказывать я сказку, песенку спою» (Лермонтов)» [6, с. 414].

3) *Презенс* — *Ба*. К данной группе относятся примеры, в которых разные по своей семантике глаголы в презенсе переводятся на русский язык формой будущего времени глагола *быть*. При этом последний может или иметь какое-либо синтаксическое дополнение, или обходиться без него, что определяется лексическим значением соответствующего немецкого глагола и наличием или отсутствием при нем указанного дополнения. Такие случаи весьма распространены: на них приходится около 7% всех примеров группы презенса. Глагол *быть* выступает при этом в значениях а) связи, б) вспомогательного глагола пассивной конструкции, в) полнозначного глагола:

а) «Morgen *sieht* alles schon wieder ganz anders aus!» (Holt, S. 390).

— Завтра все будет хорошо! (Хольт, с. 399).

б) «Wenn dieser Krieg zu Ende ist, dann... beginnt der schwere Kampf» (Holt, S. 307).

— Когда с войной будет покончено, тогда-то и начнется тяжелая борьба (Хольт, с. 318).

в) «Hab gedacht: Wirst Berufssoldat, Schaffst dir'n Hof» (Holt, S. 477).

— Все думал: пойдешь в солдаты, будет у тебя свое хозяйство... (Хольт, с. 481).

Как видим, значение глагола *быть* в каждом конкретном случае определяется значением глагола в немецком тексте. Кроме того, употребление *быть* может обуславливаться, на наш взгляд, стилистическими требованиями. Так, в примере б) пассивная форма глагола *покончить* позволяет избежать употребления двух фазовых глаголов в одной и той же личной форме в рамках одного предложения (ср.: *закончится* — *начнется*).

В грамматике русского языка глагол *быть* обозначен как глагол «абсолютного несовершенного вида» или «одновидовой глагол несовершенного вида» [6, с. 344]. Поэтому мы считаем целесообразным представить данное соответствие так, как указано выше: презенс — *Ба*, где *Ба* обозначает форму

будущего времени глагола «абсолютного несовершенного вида». Хотя Ба в наших примерах представлено лишь одним глаголом *быть*, его полисемия и полифункциональность в таких соответствиях могли бы послужить предметом самостоятельного исследования.

4) Презенс — Н. На это соответствие, т. е. перевод немецкого настоящего времени русским настоящим с футуральным значением, приходится приблизительно 3,3% примеров с футуральным презенсом. При этом значение будущего создается контекстом и лексическим значением русского глагола, которое может отличаться от немецкого:

«Wir fahren heut nacht» (Holt, S. 139).

«Nein», sagte sie, «Günter kommt nachher auf Tagesurlaub» (Holt, S. 201).

— Выезжаем сегодня же ночью (Хольт, с. 152).

— Ни в коем случае. Я с минуты на минуту жду Гюнтера Цише. Он отпросился на весь день (Хольт, с. 214).

В первом примере футуральность создается наличием лексических показателей времени как в немецком, так и в русском тексте (*heut nacht* — *сегодня же ночью*); во втором примере глагол *ждать*, не обозначающий сам по себе будущего, сигнализирует о скором наступлении действия, которое в русском тексте подразумевается, но не названо, а в немецком тексте выражено глаголом *kommt*. Кроме того, как и в первом примере, футуральность подкрепляется здесь лексически: *nachher* — *с минуты на минуту*.

5) Презенс — И. Данное соответствие охватывает около 2% примеров. Здесь часты употребления инфинитива в русском тексте, когда в немецком тексте имеется отрицание:

«Ich laß mich nicht zum Mörder machen von dem!» (Holt, S. 459).

Zemtzi rief: «Ich bin bei Benedict mit dem Vorspruch dran!» (Holt, S. 39).

— Но нет, меня им убийцей не сделать! (Хольт, с. 465).

— Сегодня мне выступать у Бенедикта с напутствием, — объявил Земцкий — (Хольт, с. 53).

Как видим, глагол в инфинитиве кроме значения «ожидаемое, предстоящее действие» приобретает модальное значение возможности /невозможности или необходимости. Это отмечается и в грамматике русского языка: «Действие, обозначенное инфинитивным предложением, может представляться или как необходимое, или как неизбежное (как бы объективно предопределенное), или как желательное и т. д.» [5, с. 41]. Далее говорится о футуральности инфинитивных предложений: «Общим значением инфинитивных предложений является обозначение действия, которое совершится в будущем (по отношению к моменту речи или к какому-либо другому моменту)» [Там же].

6) *Презенс* — Г₆И. К этой группе мы отнесли примеры, в которых презенс переводится конструкцией, состоящей из глагола с футуральной семантикой и инфинитива основного глагола. Таких примеров в нашей подборке всего пять. Глаголами со значением будущего выступают *собираться, намереваться, предстоять, думать*:

«Ich bin abgehaun. Jetzt **geh** ich lange fort» (Holt, S. 69).

— Оттуда я дал тягу. А теперь **думаю исчезнуть** надолго (Хольт, с. 83).

7) *Презенс* — С_н. На это соответствие приходится около 1% примеров:

«Heute sind fünfzehn Mann ausgefallen. Ob's da großen Urlaub **gibt**?» (Holt, S. 251).

— Сегодня было пятнадцать человек. **Как бы не полетели** наши отпуска! (Хольт, с. 263).

«Wenn sie diese... Geschichte mit der Sau **nur nicht** mit uns fünf in Verbindung bringen», sagte Holt (Holt, S. 90).

— **Только бы** эту... историю со свиньей **не связали** с нашей пятеркой,— сказал Хольт (Хольт, с. 102).

Сослагательное наклонение, представляя действие «как возможное, предполагаемое или желаемое» [6, с. 356], имеет в приведенных примерах явно выраженную футуральность, сочетающуюся с модальным значением опасения: *ob — как бы не, wenn nur nicht — только бы не*.

8) *Презенс* — МИ. Еще реже футуральный презенс переводится модальным глаголом с инфинитивом. На это соответствие приходится менее 1% примеров:

«Ist gefährlich», sagte Gomulka. «Dort unten **sieht** uns bestimmt jemand» (Holt, S. 78).

— Это опасно, — предостерег Гомулка.
— На реке нас **могут увидеть** (Хольт, с. 91).

9) *Презенс* — П. Эта группа представлена у нас всего лишь двумя примерами, в которых будущее выражено в русском тексте с помощью форм прошедшего времени совершенного вида. А. В. Бондарко и Л. Л. Буланин говорят об этом следующее: «Прошедшее совершенное в контексте будущего представляет объективно будущее действие так, как будто оно уже осуществилось» [7, с. 99]. Например:

«Ich muß euch erschießen, und was ist, wenn jetzt einer kommt, dann **bin** ich dran, was soll ich denn tun?» (Holt, S. 377).

— Мне приказано вас расстрелять, и если кто войдет, я **попался**. Что тогда будет? (Хольт, с. 387).

«Paß auf! Du **bekommst** plötzlich Leibschmerzen, aber **gräßliche**!» (Holt, S. 392).

— Так слушай! У тебя вдруг **заболел живот**, но зверски **заболел**! (Хольт, с. 401).

В русском языке формы прошедшего времени редко переносятся в план будущего. Так они обычно употребляются в экспрессивной речи. Как отмечалось, представлять будущее действие в качестве осуществившегося могут лишь формы совершенного вида. Эти формы прошедшего времени могут обозначать будущее и при экспрессивно-ироническом отрицании (обычно с опорной частицей *так и...*): «Так я тебе и поверил!» [8, с. 9].

Из приведенных грамматических форм и конструкций, использованных при переводе немецкого текста на русский язык, основная функциональная нагрузка приходится на будущее совершенного вида. Наиболее редко немецкому презенсу соответствует прошедшее время, модальный глагол с инфинитивом, сослагательное наклонение и конструкция, состоящая из глагола со значением будущего (*собираться, думать, и т. п.*) и инфинитива основного глагола.

Кроме того, есть случаи перевода презенса другими, не описанными выше средствами. Они составляют немногим более 3% наших примеров, что дает основание игнорировать их на данном этапе анализа.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) презенс является основной и наиболее употребительной формой, обозначающей в немецком языке будущее время (около 70% примеров); 2) презенсу может соответствовать целый ряд грамматических форм и конструкций в русском языке. Некоторые из них (*Б_c, Б_н, Б_a*) представляют собой системные эквиваленты презенса, употребление других обусловлено контекстом, а также индивидуальным стилем переводчика.

Полученные результаты предполагается проверить на материале переводов русской литературы на немецкий язык. Такой билатеральный анализ позволит постулировать основные типологические закономерности в выражении категорий (в данном случае футуральности) средствами немецкого и русского языков.

Список литературы: 1. Федоров А. В. Немецко-русские языковые параллели. М., Высшая школа, 1961. 304 с. 2. Ярцева В. Н. О сопоставительном методе изучения языков. — Филологические науки, 1960, № 1, с. 3—14. 3. Жлуктенко Ю. О., Бублик В. Н. Контрастивна лінгвістика. Проблеми і перспективи. — Мовознавство, 1976, № 4, с. 3—15. 4. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1961. 265 с. 5. Грамматика русского языка, т. 2, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1960. 440 с. 6. Грамматика современного русского литературного языка. М., Наука, 1970. 768 с. 7. Бондарко А. В., Буладин Л. Л. Русский глагол. Л., Просвещение, 1967. 192 с. 8. Шмелев Д. Абсолютное и относительное употребление форм времени русского глагола. — Русский язык в национальной школе, 1960, № 6, с. 3—10. 9. Bańcerowski I. Some Contrastive Considerations about Semantics in the Communications Process. — Papers and Studies in Contrastive Linguistics (PSiCL), vol. 2, 1974, p. 11—31. 10. Krzeszowski T. Fundamental Principles of Structural Contrastive Studies. — Glottodidactica, 1967, 2, p. 33—39. 11. Sharwood-Smith M. Contrastive Studies in Two Perspectives. — PSiCL, vol. 2, 1974, p. 5—10.

СТИХОТВОРЕНИЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКО «СВІТЕ ЯСНИЙ! СВІТЕ ТИХИЙ!»
В ПЕРЕВОДЕ Э. ГИЙЕВИКА

Шевченковская поэзия известна во Франции с конца прошлого века, однако знакомство французов с творческим наследием поэта носило тогда преимущественно научно-теоретический характер, не было по-настоящему поэтических переводов его произведений.

Более близкой французскому читателю поэзия Т. Г. Шевченко стала в послеоктябрьский период, благодаря ее переводам прогрессивными деятелями французской культуры, в частности, поэтами-коммунистами Ш. Стебером, Л. Арагоном, Э. Гийевиком. Если французские консервативные критики (К. Курьер, барон А. д'Аврилль, Э. Дюран) представляли Т. Г. Шевченко, в основном, как поэта-лирика, воспевающего Украину и ее прошлое, прогрессивная критика и поэты-коммунисты основное внимание читателей обращали на тесную связь Т. Г. Шевченко с общественно-политической жизнью украинского народа, акцентируя внимание на произведениях с острой социальной проблематикой. Ярким примером таких произведений является стихотворение Т. Г. Шевченко «Світе ясний! Світе тихий!», написанное в 1860 г. и впервые опубликованное во Львове в 1872 г. в книге А. Патрицкого «Провідні ідеї в піснях Т. Г. Шевченка» [4, с. 549]. Как отметил академик Е. П. Кирилюк, в этом стихотворении «антирелигиозная направленность достигает наивысшего накала» [1, с. 598]. «Світе ясний! Світе тихий!» — это не пародия и не сатира на существующий строй, это — «Поезія пройнята революційним оптимізмом, який визначив і сміливу експресивність образів вірша, і вольову, енергійну інтонацію його рядків, і, звичайно, самий зміст революційних предбачень поета» [3, с. 199].

Приводим текст стихотворения:

Світе ясний! Світе тихий!
Світе вольний, несповитий!
За що ж тебе, світе-брате,
В своїй добрій, теплій хаті
Оковано, омурано,
(Премудрого одурено),
Багрянницями закрито
І розп'ятієм добито?

Не добито! Стрепенися!
Та над нами просвітіся,
Просвітіся!.. Будем, брате,
З багрянниць онучі драти,
Люльки з кадил закуряти,
Явленіми піч топити,
А кропилом будем, брате,
Нову хату вимітати! [5, с. 561].

В 110 книге серии «Поэты сегодня», вышедшей в Париже в издательстве «Сегерс» под названием «Тарас Шевченко» [6, с. 180] помещено 34 перевода шевченковских стихотворений, сделанных поэтом-коммунистом Эженом Гийевиком с помощью историка и большого знатока украинского языка Владислава Пельца.

Э. Гийевик, которому принадлежит большая часть всех шевченковских переводов на французский язык, — не случайный переводчик поэзии Т. Г. Шевченко: ему близка по духу революционная суть поэзии Кобзаря, ее народность, высокая эстетическая ценность. Особенно остро звучат в переводах Э. Гийевика поэмы «Кавказ», «Гамалія», стихотворения «Заповіт», «Сон», «Якби ви знали, паничі» и многие другие. Среди них выделяется стихотворение «Світе ясний! Світе тихий!» Его перевод Э. Гийевиком на французский язык является единственным:

MONDE SEREIN, MONDE PAISIBLE

Monde serein, monde paisible!
Monde libre, pas enchaîné!
Pourquoi donc, o monde mon frère,
Dans ta bonne et chaude maison
T'a-t-on enchaîné, emmuré?
On a faussé l'oeuvre de Dieu,
On l'a couverte de la pourpre,
Achevée par le crucifix.

Non, pas achevé. Lève-toi!
Brille sur nous, éclaire-nous.
Mon frère, déchirons la pourpre,
Pour nous en entourer les pieds,
Allumons notre pipe aux cierges,
Chauffons-nous avec les icônes
Et balayons du goupillon
La nouvelle maison, mon frère [6, с. 92].

Прежде всего следует отметить глубокое и тонкое понимание поэтом-переводчиком идеи и духа шевченковской поэзии, ее революционного звучания. Переводчик точно выразил основную идейную направленность стихотворения: разоблачение реакционной сути религии, политики царского правительства, а также призыв к борьбе и веру в лучшее будущее своего народа.

В новом послереволюционном обществе (*нова хата* — la nouvelle maison) не будет места ни религиозному обману, ни церковному обряду. Передавая эту идею, Э. Гийевик старается найти во французской поэтической речи наиболее близкие оригиналу эквиваленты. В предисловии к сборнику переводов он говорит о высокой поэтической ответственности переводчика и с сожалением отмечает, что средствами французского языка трудно передать все особенности оригинала. Главное, к чему он стремится — «сохранить логическое содержание стиха, тон и дух его» [6, с. 25].

Характерной особенностью перевода Э. Гийевика является максимальная точность при переводе как основного содержания стиха, так и поэтических образов и фигур. Переводчик полностью сохраняет образную систему: *світ* — le monde, *хата* — la maison, *люлька* — la pipe, *кропило* — le goupillon, *явлені* — les icônes, а также способы художественного выражения, характерные для поэзии Кобзаря.

Естественно вписываются в текст перевода эпитеты Т. Г. Шевченко. Не отходя от оригинала, Э. Гийевик старается передать эпитизацию шевченковского языка, находя в родном языке соответствующие эквиваленты: monde — serein, paisible, libre, pas enchaîné; maison — nouvelle, bonne, chaude.

Перевод последних пяти строк потребовал от переводчика мобилизации всего арсенала художественных средств. Дело в том, что лексика стихотворения преимущественно народная, например: *люльки... закуряти; піч топити; онучі драти; хату вимітати*. Переводчик в основном правильно передает эти сочетания: *allumons notre pipe, balayons la maison, chauffons-nous avec ...*

Но, стараясь сохранить шевченковское *з багрянців онучі драти*, Э. Гийевик переводит его описательным путем, поскольку во французском языке отсутствует понятие *онучі**: *...déchirons la pourpre; Pour nous en entourer les pieds* (порвем багрянці, чтобы обернуть ими ноги). Такую трактовку образа можно оправдать в художественном переводе, так как она не противоречит основному содержанию оригинала.

А вот переводя слово *кадило*, Э. Гийевик использовал слово *cierge* — восковая свеча, хотя во французском языке существует соответствующее понятие — *encensoir***.

Недостаточно убедительно звучит перевод чисто народного выражения, имеющего особый тонкий смысл: *премудрого одурено*. Для этого Э. Гийевик использует литературную форму перевода: *On a faussé l'oeuvre de Dieu — извращено дело бога*. Из-за этого несколько теряется простота, четкость, народность стихотворения. Французский и украинский языки имеют различные структуры, но в любом случае можно найти соответствующие языковые средства для более точной передачи оригинала.

Сложность возникла и при переводе церковной лексики: *премудрий, багрянці, розп'ятіє, явлені, кропило* — *Dieu, pourpre, crucifix, icônes, goupillon*. В данном случае Э. Гийевик справился с задачей подбора нужных эквивалентов французской лексики.

Переводчик мастерски использует внутреннюю и внешнюю рифмовку безличных глагольных форм, а также способы аллитерации. Он выделяет некоторые слова в тексте, усиливая тем самым их значение и привлекая к ним внимание. У Т. Г. Шевченко: *оковано, омурано, одурено, закрито, добито*, у Э. Гийевика: *enchaîné, emmuré, faussé, couverte, achevé*. В конце стихотворения Т. Г. Шевченко использует звуковые повторы глагольных форм, фиксируя тем самым повышение их выразительности на общем фоне: (будем) *онучі драти, люльки закуряти, піч топити, хату вимітати*.

Переводчик очень удачно передал эти строки, употребляя окончания второго лица множественного числа глаголов с харак-

* Французский словарь «Petit Robert» дает следующую трактовку: «chaussettes russes — bandelettes enveloppant le pied» (повязки, оборачивающие ноги) [6, с. 267].

** «Sorte de cassolette suspendue à des chaînettes dans laquelle on brûle l'encens» [7, с. 267].

терным выразительным окончанием носового французского гласного O: *Déchirons! allumons! chauffons! balayons!* Для большей выразительности он добавляет слова с этим же окончанием: *goupillon, maison, mon.*

Для того чтобы обратить внимание читателя на реализацию действия, Э. Гийевик в переводе, как и Т. Шевченко в оригинале, с исключительной силой пользуется антитезой:

багряниці — онучі
кадило — люлька
явленні — піч
кропило — віник

pourpre — entourer les pieds
cierge — pipe
icônes — chauffons-nous
goupillon — balayons

С помощью антитезы автор и переводчик разоблачают резкие социальные контрасты капиталистического общества.

Энергичным восклицанием «Не добито!» Т. Г. Шевченко категорически отбрасывает утверждение (і розп'ятієм добито?), которым он закончил первую часть стихотворения [2, с. 115]. Передавая эту мысль, Э. Гийевик нашел очень удачные соответствия:

Achévé par le crucifix.
Non! Pas achevé!

Сохраняются и риторический вопрос «За що ж?» — «*Pourquoi donc...*», ритмика оригинала и, что самое главное, — идейное и логическое содержание восклицания «Не добито!» — «*Pas achevé!*»

Сохранен также переход от I ко II части стихотворения, который так четко выделяется у Т. Г. Шевченко. Таким образом, переводчик в большинстве случаев нашел правильные языковые соответствия или же создал новые, близкие к оригиналу по идейному содержанию и значению.

Количественный анализ переводной лексики показывает, что из 53 слов оригинала переведено 50 (90,6%). 47 слов переведены точно и адекватно, 3 — описательным путем и перефразировкой. Не переведены 2 слова, но они не играют принципиальной роли в содержании стихотворения (а, та), а слово *піч* в сочетании *піч топити* Э. Гийевик переводит как *chauffons-nous*. Что касается добавлений, то они незначительны (о, et, le) и не нарушают смысла в целом.

Архитектоника, строфика, последовательность содержания, а также количество строк переведены адекватно. Сохранена схема и форма строфы. Однако способы французского стихосложения, основанные на чередовании ударных и безударных гласных, не позволяют эквивалентно передать ритмическое богатство оригинала — восьмистопный силлабо-тонический рифмованный стих. Поэтому перевод осуществлен восьми-девятистопным нерифмованным силлабическим стихом различных

размеров, так называемым белым стихом. Размеры не стабильны (ямб, хорей, амфибрахий). Сам Э. Гийевик подтверждает это: «Чтобы быть как можно ближе к темпу оригинала, я изменял размер внутри стихотворения, поскольку и сам Шевченко часто переходит от коротких к более длинным стихам» [6, с. 25]. И далее: «...Шевченко часто нарушает ритм, изменяет размер, чтобы ускорить или замедлить ход. Скорее бег, чем ход. Или же танец. И мне казалось, что надо было бежать, танцевать вместе с ним» [6, с. 26]. Таким образом, несмотря на указанное несоответствие, перевод имеет адекватное художественное звучание.

Э. Гийевик бережно сохраняет ритмико-синтаксический строй подлинника. Перевод стихотворения начинается также с обращения: «*Monde serein, monde paisible!*» («Світе ясний! Світе тихий!»), а затем сложносочиненная фраза, обнимающая шесть стихов, вводит медитацию. Далее соотношение стиха и синтаксиса в переводе представляет полное подобие оригиналу. Как и у Т. Г. Шевченко, у Э. Гийевика вопросительные и восклицательные предложения используются для повышения напряженности и эмоционального наполнения интонации.

Итак, высокое поэтическое мастерство, знание тонкостей французского и украинского стихосложения, тщательное изучение творчества Кобзаря позволили Э. Гийевiku сделать адекватный перевод стихотворения Т. Г. Шевченко «Світе ясний! Світе тихий!». В переводе нет отклонений от идейного содержания оригинала, успешно преодолены трудности, связанные с передачей церковной и бытовой лексики, хотя выше отмечались незначительные несоответствия. Э. Гийевик смог передать основное направление мысли и образы Т. Г. Шевченко, способы их художественного выражения, красоту и силу шевченковской поэзии.

Список литературы: 1. Кирилюк Е. П. Тарас Шевченко. Київ, Наукова думка, 1964. 635 с. 2. Кудрицький Е. М. До питання про ідейний зміст поезії Т. Г. Шевченка «Світе ясний! Світе тихий!» — В кн.: Збірник праць 8-ї наукової Шевченківської конференції. Київ, Акад. наук УРСР, 1960. 319 с. 3. Шевченківський словник, т. 2, Київ, Голов. ред. УРЕ, 1977. 410 с. 4. Шевченко Тарас. Повне збір. творів, т. 2. — Поезії 1847—1861. Харків, Держ. літ. вид-во, 1937. 616 с. 5. Шевченко Т. Г. Кобзар. Київ, Дніпро, 1974, 623 с. 6. Chevtchenko T. Préface, traduction et choix de textes de Guillevic. Poètes d'aujourd'hui, N 110, Paris, Edition Pierre Seghers. 1964. 180 p. 7. Le Petit Robert. Dictionnaire analogique de la langue française. Paris, 1973. 1970 p.

ПОВТОРЫ С МОДАЛЬНОСТЬЮ ОТРИЦАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В немецкой разговорной речи часто употребляются повторы предшествующего предложения или части его. По своей структуре это двусоставные или односоставные предложения, слова-предложения, фрагменты и др.

В специальной литературе в той или иной степени затрагивается вопрос повторов. Так В. Д. Девкин [2], рассматривая повторы различного морфологического состава (субстантивные, адъективные и другие), характеризует их лингвистическую роль в целом как эмоциональную реакцию на предшествующее высказывание. Г. Я. Панкрац [3] исследовал интонацию вопросов-повторов в зависимости от вида эмоций. Н. Т. Головкина [1] — стилистическую роль повторов. Однако ни один из указанных авторов не затрагивал проблемы модальности повторов.

Задача данной статьи — изучить модальность отрицания повторов с целью определения их семантической роли в диалогической речи помимо эмоциональной, которая уже достаточно освещена в работах по этой проблеме. При рассмотрении вопроса нельзя не учитывать эмоциональности повторов, так как отрицание, очевидно, связано с отрицательными эмоциями. Существуют различные принципы классификации эмоций, и нужно отметить, что они довольно произвольны, подчинены тем задачам, которые ставят перед собою исследователи.

Деление эмоций на положительные и отрицательные представляется наиболее целесообразным и объективным. Для данной работы этот принцип применим, поскольку модальность отрицания в разговорной речи неотрывна от эмоциональной окраски.

Анализ произведений художественной литературы современных немецких авторов показывает, что в разговорной речи отрицание может выражаться повтором в форме вопросительных предложений (значительно реже — повествовательных), не содержащих отрицательных слов. Это могут быть ответ на вопрос собеседника или очередная реплика диалога, следующая за повествовательными (или восклицательными) предложениями. Структурные признаки вопросительного предложения как в ответных предложениях, так и в репликах обнаруживаются редко, так как обычно это односоставные и неполные структуры, слова-предложения и т. п..

Рассмотрим отдельно ответные предложения и встречные реплики диалога.

Ответные предложения-эхо обычно являются повтором части поставленного вопроса, произносимого в 90% случаев с вопросительной интонацией (в письменной речи — с вопроси-

тельным знаком). Однако интонация повтора, в отличие от интонации вопроса, характеризуется большей экспрессивностью и иной эмоциональной окраской, так как всякий повтор по своей природе является эмоциональной реакцией другого собеседника на предшествующую речь.

Ниже приводятся возможные структуры ответных предложений-повторов с модальностью отрицания.

а) Повтор не содержит отрицаний, и отрицательный смысл его в таком случае определяется по следующему за ним предложению отвечающего или по авторскому описанию:

1. «Erkennen Sie denn die Stimme nicht?» — «**Die Stimme?**» Sie schüttelte den Kopf (Bredel). 2. «Und wann gedenkst du eigentlich zu heiraten?» — «**Heiraten?** Was hat denn das damit zu tun?» (Bredel). 3. Würdest du dich für so einen Wagen interessieren, Jupp?» — «**Einen Wagen?**» fragte Jupp zurück. «Natürlich einen Wagen, knurrte Gottfried. Meinst du ein Heupferd? (Remarque).

В первом примере отрицание проявляется в отрицательном жесте, во втором — во встречном вопросе, в третьем — в последующем ироническом вопросе, заданном первым собеседником. Прямого ответа на вопрос ни в одном случае нет, повтор является гипотетическим вопросом.

б) Отрицательный смысл ответа содержится в лексике примыкающего к повтору оценочного слова-предложения (напр., Unsinn, Quatsch).

4. Wo sollen wir das hernehmen? — «**Hernehmen?** Unsinn! Machen wir alles selbst» (Noll). 5. Sieht aus wie'n Hochgerät, nicht?» — «**Horchgerät?** Quatsch! Das ist ein Funkmeßgerät» (Noll).

В этих случаях повтор и следующие за ним экспрессивные слова-предложения являются не только отрицанием, но и выразителем отрицательных эмоций (несогласия, возмущения), а собственно ответ следует лишь за этими элементами. Отрицание выражается антитезой, которая является продолжением диалога.

в) Отрицательный характер повтора определяется только по интонации и использованию антитезы:

6. «War das'n dummer Zufall?» — «**Zufall?** Gezielt war das» (Noll). 7. «Du bist doch ein Fachmann der Liebe, nicht?» — «**Fachmann?** Ich bin ein Altmeister der Liebe» (Remarque). 8. «Los, Vetter, wo sind die schönen roten Fische?» — «**Rote Fische?** Waren das denn Fische? Ich dachte immer, das sind Tomaten» (Noll).

В шестом примере повтор содержит возмущение, собственно отрицанием является антитеза, в седьмом — имеет оттенок неудовольствия, а следующий за ним ответ является формально противопоставлением, а в сущности — высшей степенью оцениваемого качества.

В восьмом примере как повтор, так и последующие вопрос и ответ содержат иронию, а формально сходны с шестым и седьмым примерами.

Повторы в ответных предложениях имеют иногда не вопросительную, а повествовательную интонацию:

9. Willst du etwa sagen, daß unsere Divisionen von Greisen und Kranken geschlagen worden sind?» — «**Geschlagen...**» protestierte Zische (Noll).

Отрицательный смысл реплики содержится в словах автора. Повтор в форме повествовательного предложения выражает его интонацией, которая в повествовательном предложении также довольно выразительна и обеспечивает понимание реплики.

г) Около 50% ответных повторов с модальностью отрицания сопровождаются различными отрицаниями, которые уточняют и подкрепляют отрицательный смысл повтора:

10. «Hermann, hast du Schnaps gesoffen?» — «**Gesoffen?** Nein!» (Stritt).
11. «Hast du das Radio gehört, diese Flucht aus Westhofen?» — «**Ich?** Radio? Nein (Segh). 12. Haben Sie ein Anliegen?» fragte sie. «**Anliegen?** Nein» (Noll). 13. Wie hat er sie behandelt?» — «**Behandelt?** Behandelt hat er sie nicht» (Rem.). 14. «Hast du Kummer?» — «**Kummer, — nicht daß ich wüßte**» (Noll). 15. «Sind Sie sicher?» — «**Sicher, — keineswegs**» (Segh).

С точки зрения грамматики отрицание ясно выражено отрицательными словами. Однако считать повторы языковым излишеством, очевидно, нельзя, так как они выделяют наиболее важный элемент в конкретной ситуации. Кроме того повторы интонационно выражают отрицательную эмоцию, обозначающую и отрицательный смысл ответа, который подкрепляется собственно отрицанием.

В 14-м и 15-м примерах повторы имеют интонацию повествовательного предложения. Она менее экспрессивна, чем интонация в повторах в форме вопроса, однако также выражает отрицание.

В некоторых случаях к следующему за повтором отрицанию присоединяется распространенное отрицательное предложение с соотносительным к повтору словом. Например:

16. Wie wollen Sie beweisen, daß er sie bekommen, hat?» — «**Daß er sie bekommen hat?** Nein, das kann ich nicht» (Bredel). 17. «Apropos, haben Sie Beziehungen zu Sozialdemokraten?» fragte Dr. Ballab. «**Zu Sozialdemokraten?**» rief Merkenthal verwundert. «Nein, die hab ich wahrhaftig nicht» (Bredel).

Такое распространенное отрицание носит более категоричный характер, чем краткие однословные отрицания: соотносительные слова в них значительно выделяются ударением, отри-

цательный смысл усиливается также модальными словами (wahrhaftig в 17-м примере).

Итак, анализ показал, что ответные повторы, как правило, являются отрицательными ответами на заданный вопрос, причем это отрицание не во всех случаях является категоричным, но всегда имеет различные оттенки отрицательных эмоций, неотделимых от модальности отрицания: удивление с оттенком разочарования, недоумение, неудовольствие, возмущение, беспокойство, иронию и др. В исследуемой художественной литературе не встретилось ни одного утвердительного ответа в повторах с вопросительной интонацией.

Отрицательный смысл ответных повторов подкрепляется жестами, мимикой, авторскими ремарками, уточнениями в контексте, так как по своей структуре и содержанию повторы тесно связаны с контекстом и зависят от него или от ситуации, в которой происходит диалог, где языковой опыт собеседников восполняет не называемые в речи моменты, содействующие коммуникации.

Встречные реплики диалога — повторы элементов из предшествующего высказывания собеседника, представляющие собой возражение или протест,— по своей структуре, в основном, являются словами-предложениями, которые произносятся с вопросительной интонацией.

а) Отрицательная реакция выражается интонацией повтора и уточняется последующим высказыванием:

18. Na, du, sei froh. — «Froh? So'ne bespritzte Jacke von so jemand!» (Segh). 19. «Gib auf», sagte Müller, «Aufgeben?» rief Schneiderei. Er konnte sich mit diesem Ende nicht abfinden (Noll). 20. Komm doch, Liesel, und stopf einen Strumpf, setz dich mal zu mir» — «Jetzt? Strümpfe? Erst muß der Stall gemistet werden, sonst verkommst du vor Dreck» (Segh).

б) Возражение выражается вопросительной или восклицательной интонацией повтора и усиливается междометием na, жестом, идиоматическими оборотами:

21. Aber mein Liebling, du kannst plötzlich wunderbar tanzen, «sagte Pat überrascht.» — «Na, wunderbar» (Remarque). 22. «Der Wagen ist halb verschenkt!» — «Na, verschenkt» (Remarque). 23. Die Wohnung ist nicht übel», meinte sie. Nicht übel? rief Holt. «Ich bitte sie» (Noll). 24. «Dann genügen ein, zwei Wochen Arbeit, und er hatte das Reisegeld beisammen». — «Arbeit?» Schulterzucken (Noll).

в) Возражение или опровержение предшествующего утверждения выражается оценочными словами Unsinn, Quatsch:

25. «Es gibt wohl noch einiges für Handwerker zu tun», meinte Müller. «Handwerker?» sagte Schneiderei. «Unsinn! Machen wir alles selbst» (Noll).

г) Возражение или несогласие выражается интонацией повторов и последующим противопоставлением (антитезой):

26. «Sieh dort, ein Boot!» Sie zeigte nach unten auf einen winzigen Punkt im Meere. «Ein Boot? Das ist ein Dampfer» (Bredel). 27. Wir müssen eiligst los. Es ist höchste Zeit.» — «Höchste Zeit? Der Zug geht erst in 2 Stunden» (Remarque). 28. «Wenn sie nicht krank wären, würde ich Sie durchs Fenster werfen.» — «Krank? Krank? Gesund bin ich, fast gesund» (Remarque). 29. «Wir sind sehr sparsam.» — «Sparsam?» rief Frieda. «Verschwender seid ihr» (Bredel).

д) Возражение выражается повтором, имеющим особую структуру — несогласованное и нелогичное сочетание элементов:

30. Ziesche schnitt ihm das Wort ab. «Hör auf! Das grenzt an Zersetzung!» Vetter rief entrüstet: «Ich und Zersetzung? Du bist ein Rindvieh» (Noll). 31. «Ich bin Bauer» Franz grinste. «Du und Bauer.» 32. «Ich dachte, du hast mich vergessen,» sagte er. «Ich dich vergessen!» sagte sie (Noll). Контекст дополняет отрицательный смысл повтора.

е) Возражение выражается интонацией повтора, сопровождающегося каким-нибудь отрицанием — nicht, nein, kein и др. Например:

33. «Die Herren ziehen ja so gelangweilte Gesichter.» — «Gelangweilt? Nicht doch» (Noll). 34. «Gnade Gott uns allen, wenn wir nicht siegen!» — «Siegen!» sagte Gomulka verächtlich. «Das gibt es nicht» (Noll). 35. «Nahfeuerpatronen!» — «Nahfeuer?» sagte Vetter erstaunt. «Mach bloß keine Witze» (Noll). 36. «Sie sind verrückt.» — «Verrückt? Nein, Aber reingefallen!» (Remarque). 37. Ich war ungehörig, ich dachte... «Was reden sie da? Ungehörig benommen? Nicht daß ich wüßte» (Noll). 38. «Mach keine faulen Witze, Mensch, lies, was auf dem Wisch steht.» — «Witze? Hier macht keiner Witze» (Bredel). 39. «Junge, alle sind gegen euch.» — «Alle? Mutter, wir sind nicht wenige» (Bredel).

Чрезвычайно редко (0,5%) встречались реплики-повторы с модальностью утверждения или согласия. По структуре это повествовательные и назывные предложения, иногда с восклицательной интонацией.

40. «...dann erzähl mir doch mal, wie man einer Frau etwas Unterhaltung verschaffen kann, wenn sie viell allein ist.» — «So was Einfaches! Mensch, Robert! Ein Kind oder ein Hund!» — «Ein Hund! sagte ich überrascht», verflucht ja, ein Hund! Da hast du recht! (Rem). 41. «Du brauchst noch etwas dazu», sagte ich dann. «Zwei oder drei Abendkleider,» — «Abendkleider, das ist wahr» (Remarque).

В этих случаях утвердительный повтор сопровождается другими средствами утверждения: ja, hast recht, ist wahr.

Таким образом, встречные реплики-повторы, как и ответные повторы, являются особым средством выражения модальности отрицания, которое отличается от обычных средств эмоциональной насыщенностью и, вследствие этого, — экспрессивностью и художественностью. По своей структуре они во многом сходны, а их семантическая роль одинакова: комплексное выражение модальности отрицания интонационно, лексически, грамматически и стилистически. Вопрос-повтор и в ответах, и во встречных репликах является гипотетическим, однако его отрицательный смысл подтверждают интонация и контекст, поэтому

вопрос-повтор можно рассматривать в качестве косвенного отрицания. При изучении немецкого языка как иностранного особое внимание следует уделять интонации повторов, поскольку кроме синтаксической роли (оформление типа предложения по цели высказывания) она выполняет дополнительную функцию: передает модальность и эмоциональность повторов преимущественно тембровыми оттенками, практическое овладение которыми представляет значительную трудность.

Список литературы: 1. Головкина Н. Т. Повтор как стилистическое средство в различных видах и жанрах речи. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1964. 20 с. 2. Девкин В. Д. Особенности немецкой разговорной речи. М., Международные отношения, 1965, 317 с. 3. Интонация переспроса, уточняющего вопроса и вопроса-повтора в современном немецком языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1960. 20 с. 4. Bredel W. Die Enkel. Aufbau-Verlag. Berlin, 1956. 681 S. 5. Bredel W. Dein unbekannter Bruder. Aufbau-Verlag. Berlin, 1955. 380 S. 6. Noll D. Die Abenteuer des Werner Holt. Aufbau-Verlag. Berlin und Weimar, 1969. I T. 544 S., II T. 478 S. 7. Remarque E. M. Drei Kameraden. Verlag für fremdsprachige Literatur. M., 1969. 455 S. 8. Seghers A. Das siebte Kreuz. Reclam. B., 1949. 422 S.

З. Н. ЛИПКО

ДИСТРИБУЦИЯ ПРЕДИКАТИВНОЙ ПАРЫ «ЛИЧНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ+ГЛАГОЛ» НА УРОВНЕ ПОДЪЯЗЫКОВ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Целью данной статьи является изучение специфики функционирования предикативной пары «личное местоимение (с учетом характера существительного-антецедента)+глагол (относящийся к определенному семантическому классу)» на уровне пяти подъязыков английского языка: прозы (авторское повествование), диалога, политической хроники, спорта и радиофизики.

В работах советских языковедов неоднократно подчеркивалось, что современная научно-техническая революция оказывает огромное влияние на язык, в свою очередь испытывая его определенное воздействие *. «Несомненная зависимость тех или иных особенностей языка от научно-технического прогресса, — отмечал Р. А. Будагов, — еще раз обнаруживает глубоко социальную природу языка и его тесную связь с уровнем культурного и технического развития общества» [1]. Одним из наиболее заметных проявлений взаимного влияния языка и научно-технического прогресса является возникновение новых и развитие уже сложившихся подъязыков.

Сущность подъязыков во многом не познана. Хотя в современном языкознании уделяется большое внимание проблеме

* Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. Л., Наука, 1967, 403 с.; Азимов А. Н., Дешериев Ю. Д., Никольский Л. Б., Степанов Г. В., Швейцер А. В. Современное общественное развитие, научно-техническая революция и язык. — ВЯ, 1975, № 2.; Будагов Р. А. Язык в эпоху научно-технической революции. — ФН, 1975, № 2.

подъязыков, и опубликованные работы внесли весомый вклад в общую теорию и анализ конкретных подъязыков [2, 3], многие аспекты этой сложной проблемы требуют дальнейшего изучения.

Подавляющее большинство определений подъязыков сводится к характеристике специфического для конкретного подъязыка словаря и соответствующего набора типичных грамматических структур. Поэтому для исследования мы выбрали нейтральные, т. е. стилистически немаркированные средства языка, к которым относятся личные местоимения и выделенные семантические классы глаголов. Нами выдвигается гипотеза о зависимости функционирования личных местоимений от характера подъязыков.

Специфика сочетаемости личных местоимений и глаголов на уровне подъязыков представляет для нас особый интерес, так как согласно нашей гипотезе именно на этом уровне обнаруживаются особенности сочетаемости изучаемой предикативной пары, обусловленные характером изучаемых подъязыков.

Исследование проводилось методом структурно-вероятностного анализа. Нами выделены четыре семантических класса глаголов: глаголы передвижения (V_m), перемещения (V_{tr}), информации и речи (V_{in}), мышления (V_{th}). Материалом для исследования послужили произведения современных английских и американских писателей, газета *Morning Star*, а также оригинальные журналы по радиофизике. Общая выборочная совокупность составила 10 000 примеров.

Зональное распределение изучаемых предикативных пар по значениям коррелятивных функций (КФ) дало возможность определить общие вероятностные признаки (ОВП) и вероятностные дифференциальные признаки (ВДП), присущие предикативным парам в различных подъязыках.

В подъязыке прозы в положительной зоне оказались предикативные пары $he + V_m$ и $he + V_{tr}$, в отрицательной — $he + V_{in}$ и близкая к ней $she + V_{in}$. С глаголами мышления в подъязыке прозы на данном уровне не сочетается ни одно из личных местоимений. Комбинаторику местоимения he с глаголами V_m и V_{tr} в подъязыке прозы можно объяснить действием процесса взаимного тяготения компонентов предикативных пар, так как каждый из них имеет положительную реализацию ВДП. При этом семантический класс глаголов информации и речи имеет отрицательное значение ВПД. Этим, видимо, можно объяснить отрицательное значение ВДП предикативной пары $he + V_{in}$ и $she + V_{in}$ в данном подъязыке. Здесь имеет место процесс одностороннего тяготения или избегания языковых единиц. Примером этого является предикативная пара $I + V_m$ в подъязыке диалога. Ее появление в отрицательной зоне свидетельствует о нетипичности семантического класса глаголов передвижения в подъязыке диалога, при положительной реализа-

ции ВДП личного местоимения I. В подъязыке политической хроники положительное значение ВДП имеет предикативная пара $he+Vin$, а отрицательное — $he+Vm$. В подъязыках прозы и хроники эти пары имеют полярные характеристики (они оказываются в диаметрально противоположных зонах). Это свидетельствует о том, что характер сочетаемости личных местоимений и указанных семантических классов глаголов определяется подъязыком, а также различными внутренними процессами, лежащими в основе сочетаемости. Для подъязыка хроники в силу особого характера сообщений типичным является преобладание семантического класса глаголов информации и речи местоимений третьего лица единственного числа. Нулевая сочетаемость местоимений I и you с семантическими классами, выделенными для исследования — результат отсутствия этих местоимений в данном подъязыке.

Примером процесса взаимного избегания языковых единиц является предикативная пара $I+Vth$ в подъязыке спорта. Каждый из указанных компонентов имеет здесь отрицательную реализацию ВДП.

Подъязык спорта близок к подъязыку хроники (в обоих предикативная пара $he+Vm$ находится в отрицательной зоне, а местоимение you с исследуемыми семантическими классами глаголов имеет нулевую валентность к этим подъязыкам).

Таким образом, указанные признаки являются ОВП сходства подъязиков хроники и спорта. С другой стороны, последние имеют ряд отличительных черт. Так, предикативная пара $he+Vin$ в этих подъязыках оказывается в противоположных зонах. Очевидно, это связано с тем, что глаголы информации и речи в данных подъязыках также находятся в противоположных зонах.

Своеобразием сочетаемости личных местоимений с указанными семантическими классами глаголов отличается подъязык радиофизики. Так как употребление местоимений I, he, she, you для него нехарактерно, то на данном уровне исследования не отмечено ни одного случая употребления указанных местоимений с исследуемыми семантическими классами глаголов. Рассматривая сочетаемость местоимений we и it, следует отметить, что первое проявляет высокую избирательность к глаголам информации и речи, а второе — к глаголам мышления. Эти предикативные пары оказались в положительной зоне. Комбинаторные свойства предикативной пары $we+Vin$ можно объяснить процессом взаимного тяготения языковых единиц. На сочетаемость it с глаголами мышления значительное влияние оказывает своеобразная содержательная сторона этого местоимения, соотнесенного с нулевым антецедентом в подъязыке радиофизики, и особый характер функционирования семантического класса указанных глаголов в данном подъязыке. Эта особенность семантического класса глаголов мышления про-

является в том, что в подязыке радиофизики он приближается по характеру к классу глаголов информации и речи: it was decided, it was concluded, it is known, it was considered по своему значению близки к сочетаниям типа it was defined, it was specified, it was noted и другим, что обусловлено в целом спецификой подязыка.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы: 1) на сочетаемость личных местоимений и глаголов на уровне подязыков существенно влияет прагматика текстов; 2) важными факторами, обуславливающими комбинаторику личных местоимений и глаголов являются семантика личных местоимений (в значительной степени синтагматически обусловленная семантикой существительных-антецедентов) и семантика сочетающегося с ними класса глаголов; 3) в основе сочетаемости изучаемых языковых единиц лежат процессы взаимного тяготения или избегания и одностороннего тяготения или избегания языковых единиц. При взаимном тяготении языковых единиц предикативная пара попадает в положительную зону, в случае обратного процесса — в отрицательную; в случае одностороннего тяготения или избегания языковых единиц предикативная пара попадает в отрицательную зону.

Таким образом, наше исследование подтверждает, что «каждый подязык обладает индивидуальной подсистемой структурно-вероятностных доминант, отличной как от других подязыковых доминантных подсистем, так и от общеязыковой; эти отличия составляют наиболее контрастную часть подязыковой специфики» [4].

Список литературы: 1. Будагов Р. А. Некоторые особенности языка в эпоху научно-технической революции. Материалы Всесоюзной науч. конф. по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974, с. 17. 2. Проблемы структурно-вероятностного анализа языков. Материалы IV Межреспубликанского семинара под ред. Андреева Н. Д., Днепропетровск, 1975. 118 с. 3. Исследование по структурно-вероятностному анализу. Республиканский сб. под ред. Андреева Н. Д., Горький, 1976. 119 с. 4. Андреева Л. Д. Универсальное и специфическое в системе языковых доминант. — В кн.: Проблемы структурно-вероятностного анализа языков. Днепропетровск, 1975, с. 7.

З. Н. ЛИПКО

СООТНЕСЕННОСТЬ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ-АНТЕЦЕДЕНТАМИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Природа местоимений такова, что конкретный характер их референции выявляется только в речи. «Конкретное смысловое содержание местоимений, — отмечает С. Ф. Самойленко, — всегда раскрывается лишь в контексте, в связной речи. Предельной степенью обобщенности своего смыслового содержания и предельной степенью ситуационной конкретности опре-

деляется взаимосвязь, соотносительность местоимений с другими частями речи» *.

Поскольку употребление местоимений в системе речи регулируется правилами семантико-синтаксического характера, то рассмотрение природы комбинаторных свойств личных местоимений непосредственно связано с изучением семантики имен существительных, с которыми они соотнесены в речи.

Соотнесенность личных местоимений с именами существительными представляет собой одно из важнейших семантических и синтаксических свойств класса местоимений **.

Роль личных местоимений в синтаксической структуре двояка: они несут нагрузку члена предложения, а также выполняют семантико-синтаксическую функцию заместителей ***.

Следовательно, их семантико-синтаксическая емкость больше, чем других морфологических единиц. Однако, повторяя синтаксическую позицию существительного-антецедента, личные местоимения, как правило, представляют не все грамматические значения и комбинаторные свойства замещаемого элемента. Замещаемое и заместитель различаются по характеру функциональной и грамматической емкостей. Так, в современном английском языке из-за отсутствия у имени категории грамматического рода личные местоимения не используются для обозначения различий последнего.

Можно считать, что личные местоимения в современном английском языке образуют систему, которой присуще разграничение по линиям категории одушевленности/неодушевленности (I, you, we, he, she — it) и биологического рода соответствующего референта (he — she).

Принадлежность местоимения *they* к той или иной категории зависит от природы его денотата. Личные местоимения третьего лица единственного числа (*he, she, it*) замещают те категории, которые представлены формально в замещаемых морфологических единицах, и, следовательно, они относятся не к формально-грамматическому плану, а к сфере референтной соотнесенности замещаемого имени.

В данной статье рассматривается синтагматическая соотнесенность личных местоимений с определенными семантическими классами существительных в современном английском языке: имени деятеля (лица) (*Sm*), собирательных (*Sc*), абстрактных (*Sa*) и нулевых существительных, т. е. *it* (*So*). Общая выборочная совокупность составила 10 000 примеров.

*Самойленко С. Ф. Из истории восточно-славянских местоимений. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. Л., 1960, с. 3.

** Бархударов Л. С. Очерки по морфологии английского языка. М., Высшая школа, 1975, с. 65.

*** Бурлакова В. В. Синтаксическая емкость некоторых морфологических классов слов. Материалы VII-й науч. конф. по вопр. германского языкознания. М., 1977, с. 25, 27, 28, 52.

Анализ значений коррелятивных функций (КФ) и триадно-зонального распределения показал, что личные местоимения четко распределяются по группам в соответствии с соотносительностью с тем или иным семантическим классом существительных-антецедентов и имеют общие или дифференциальные признаки. Так, местоимения I, you и he, she обнаруживают совершенно одинаковые дистрибутивные характеристики с отмеченными семантическими классами существительных-антецедентов: со всеми исследуемыми семантическими классами, кроме имени деятеля, данные местоимения имеют отрицательную реализацию вероятностного дифференциального признака (ВДП). Семантический класс имени деятеля выступает общим вероятностным признаком (ОВП) указанных местоимений, так как все они находятся в положительно-нейтральной зоне с этим семантическим классом существительных-антецедентов. Такое явление можно объяснить общесемантическими характеристиками семантического класса имени деятеля и собственно-личных I, you и лично-указательных местоимений he, she: те и другие содержат сему лица, а также значение одушевленности, что свидетельствует об их семантической совместимости. При этом становится понятной несовместимость значения местоимений I, you, he, she с семантикой собирательных, абстрактных существительных и семантическим классом с нулевым антецедентом.

Особую группу представляют местоимения we, it и they. В нашем эксперименте не встречались случаи употребления it с семантическим классом имени деятеля, что вполне закономерно в силу их семантической неконгруэнтности (инвариант местоимения it содержит значение неодушевленности). Слабая положительная специфичность местоимения they в соотносительности с семантическим классом имени деятеля свидетельствует о том, что употребление в значении имени деятеля для they, очевидно, менее характерно, чем для других местоимений. Однако в сфере собирательных и абстрактных существительных положительное значение ВДП имеют местоимения it и they, если не учитывать, что местоимение we также характеризуется, хотя и в меньшей степени, чертами, свойственными it и they по семантическому классу собирательных существительных.

Судя по значениям КФ, местоимение they чаще, чем другие местоимения, соотносится с семантическим классом собирательных существительных.

Данные значений КФ обнаруживают типичность соотносительности местоимения they с семантическим классом собирательных существительных, что связано с рядом экстра- и интралингвистических причин. Во-первых, существительные типа government, team, crew, public, group соотносены с денотатами, представляющими как единый коллектив, так и совокупность индивидуумов, его образующих; во-вторых, местоимение they содержит сему множественности, присущую также суще-

ствительным указанного типа (так называемые *pouns of multitude*) во втором значении. Именно благодаря двойственности значения подобных существительных не исключена их соотнесенность с местоимением *it*. Например: *the group(it) is.., the team(it) is.., the family (it) is..*, вместе с тем возможно: *the family (they) are.., the team (they) are...*. Второе значение характеризуется большей частотностью, что и является причиной более частого использования местоимения *they*, чем *it* в плане его соотнесенности с семантическим классом собирательных существительных.

При соотнесенности с абстрактными существительными частотность местоимений *it* и *they* оказывается принципиально иной ($K\Phi\ it/Sa=5.08\pm1.07$ при относительном квадратическом отклонении $ОКО=21\%$); ($they/Sa=2.00\pm0.52$ при $ОКО=26\%$).

Для английского языка, по нашим данным, более характерна соотнесенность местоимения *it* с абстрактными существительными. Например: *weight (it), quality(it), poverty(it), beauty(it)*. Наряду с этим существуют формы множественного числа абстрактных существительных, чем и вызвана соотнесенность местоимения *they* с абстрактными существительными. Например: *quantities(they), data(they), phenomena(they), media(they)* и т. п. Что касается семантического класса с нулевым antecedентом, то он не соотносится ни с какими местоимениями, кроме *it* ($K\Phi\ it/So=6.54\pm0.46$ при $ОКО=7\%$). Тематический характер лексических единиц, приведенных в качестве примеров семантического класса собирательных и абстрактных существительных, свидетельствует о влиянии различных подязыков на английский язык в целом.

Таким образом, соотнесенность личных местоимений с существительными различных семантических классов обусловлена: а) семантикой существительных-antecedентов; б) особенностями выражения родовых различий в английском языке (все абстрактные *it, they*); в) особенностями корреляции собирательных и абстрактных существительных с местоимениями в зависимости от их синтагматического значения (собирательные существительные *it, they*); г) семантической характеристикой личных местоимений. Соотнесенность личных местоимений с существительными различных семантических классов задана априорно: речь идет лишь о распределении между зонами отрицательной, нейтральной и положительной.

Анализ соотнесенности личных местоимений с семантическими классами существительных дает возможность выделить некоторые вероятностные дифференциальные признаки дистрибутивной характеристики личных местоимений: абстрактность/конкретность — противопоставление местоимений *it* и *they* остальным местоимениям по семантическому классу абстрактных существительных; множественность/единичность — проти-

вопоставление местоимений *it, they* остальным местоимениям по семантическому классу собирательных существительных; личность/безличность — контрастное деление местоимений в плане их соотносительности с семантическими классами с нулевым антецедентом и имени деятеля. Только местоимение *it* соотносено с семантическим классом с нулевым антецедентом и не имеет существительного-антецедента имени деятеля.

Л. Д. МАЕВСКАЯ

КОМПОЗИТЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ РЕКЛАМЫ

Все возрастающее внимание лингвистов привлекает к себе исследование лексики рекламы в немецком языке. Напомин в этой связи работы Степановой М. Д., Павлова В. М., Грилихес И. В., Розен Е. В., Брандта В., Гроссе З., Рёмера Р. и многих других. Все же лексика по-прежнему остается наименее изученным уровнем языка рекламы. Это и побудило нас обратиться к одному из интересных вопросов лексики в подъязыке рекламы — композитам. Этот интерес тем более оправдан, что словосложение — не только один из ведущих способов пополнения словарного запаса, но и средство образования синонимов к синтаксическим словосочетаниям.

Сочетаемость словообразовательных средств обеспечивает почти неограниченные возможности создания новых слов, появление которых вызывается как внутриязыковыми, так и экстралингвистическими причинами. Социальный характер и назначение языка активно воздействуют на его структуру. Проблему взаимодействия языка и общества, которая проявляется прежде всего в изменениях на уровне лексики, нельзя рассматривать вне изучения функционирования языка в различных сферах общественной жизни. В лексике рекламы имеется большое количество слов, возникших на базе «существующих в немецком языке морфем, но в необычном сочетании или с необычными, нередко заимствованными или специально созданными суффиксами» [1]. Это обеспечивает нестандартность формы слов: *Elektromat, Dederon, Spezitet, perla, rufil, kriepa*. Такая нестандартность в сочетании с некоторыми закономерностями рекламы делает возможной связь неологизмов с существующими в языке словами. Какая-то часть этих неологизмов становится достоянием литературного языка. Выборки из фактического материала (из журналов «Für Dich», «Neckermann, Preis und Leistung», рекламных проспектов за 1975—1978 гг.) говорят о ведущей роли словосложения в языке немецкой рекламы, при этом преобладающим является субстантивное словосложение. Оно обеспечивает «компактность выражения нескольких существенных признаков в одной цельно оформленной единице слова» [2]. Композиты могут быть самой различной длины. Это трех-, четырех- и многоосновные слова. Иногда они стремятся к усеченности, стяжению. На

эту тенденцию указывали Г. Мозер и Р. Рёмер [7, 8]. Например: двухосновные — Damenstiefel, Sitzkomfort; трехосновные — Fußballschuh, Dreiecktuch, Goldmedaillenmodell; четырехосновные — Schaffelleinlegesohle, Vierkantstahlfüße; пятиосновные — Velourslederabsatzhausschuh; шестиосновные — Fußgesundreißverschlusshausschuh. Благодаря исключительной емкости неологизмы обладают громадной силой психологического воздействия. Интересен пример со словом die Weckeruhr. Рекламный каталог предлагает следующие названия: moderner Synchronwecker, moderner Batteriewecker, Multiwecker, Reisewecker, Großwecker, Doppelglockenwecker. Покупателя привлекают эти нюансы, вызывая чувство неудовлетворенности имеющимися у него предметами домашнего обихода. Большим разнообразием отличаются новые сложные слова, обозначающие материал-заменитель. Так, теплая подкладка в зимних туфлях называется Webpelz, Weblamm, Kunstpelz; различные детали одежды из искусственного материала, которые должны смотреться как кожа, получают такие наименования, как Lederstyle, Lederimitat. Слово imitat употребляется как конечный слог без уточнения значения: Veloursleder-Imitat, Pelz-Imitat, Nerz-Imitat.

Структурная сочетаемость компонентов сложных существительных наиболее продуктивных типов, выявленных в процессе исследования, может быть выражена в виде таких моделей: S + S (Wochenprogrammorschau, Spitzenerzeugnis, Spitzenklasse, Spitzenqualität, Luxusseife, Duftnote, Nerzjacke, Schaustoffstreifen, Grobstrickweste); S + A (halsfern, farbenfroh, schenkelkurz, wadenlang, regenfest, schrittlang, hüftlang); V + S (Rauchkultur, Fahrgenuß, Eßwünsche, Gehweite); A + S (Scharfsenf, Frischmilch, Frischentsafter, Frischhaltebeutel); S + Part. I (figurbetonend, körperbetonend, körperförmend, figurumspielend, knieumspielend, weichfallend, knappsitzend); A + Part. II (kleingepunktet, feingestrickt, weitgeschnitten, quergestreift, schmalgeschnitten). Ведущая роль при образовании сложных слов принадлежит субстантивному классу.

В рекламных проспектах представлены также в большом количестве сложные прилагательные со структурами: S + A, A + A, Z + A: sandfarben, naturfarben, erstklassig, anspruchsvoll, superpraktisch, superschick, superpreiswert, vollwaschbar, figurgünstig, kurzärmelig, farbharmonisch, extraflach, fußwarm. Некоторые из приведенных комбинаций поражают новизной образования: hochaktuell, hochsommerlich, figurgezielt, körperfreundlich, hauchdünn, hauteng, hautdünn, sportgerecht, moderecht и т. д. Сами по себе эти слова несут незначительную информацию, их содержание становится понятным в контексте, в соединении с именем существительным, к которому они относятся как декоративное дополнение. Такие слова З. Гроссе называет «языковыми орнаментами» (sprachliche Ornamente), так как из-за

не совсем ясного значения они не прибавляют более четких деталей для характеристики свойства какого-либо предмета. На наш взгляд, это объясняется желанием составителей рекламы дать наиболее полную информацию и необходимостью экономии места в рекламном проспекте.

С языковой точки зрения рекламу уже давно не удовлетворяет принятая шкала цветов, что связано с влиянием моды. В рекламных текстах мы обнаружили самые неожиданные словообразования типа: *moccagold*, *savannahgelb*, *winterweiß*, *schneeweiß*, *lindgrün*, *gletschergrün*; *Irischgrün* ist die reizvollste Modefarbe dieses Winters; in der Modefarbe «Candy»; *Candy-Rosa* и др. Это сложные прилагательные, конкретизирующие цвет через сравнение; их вторая часть (определяемое слово) передает цвет, а первая (определяющее слово) уточняет оттенок через сравнение. Обычно между компонентами сложного слова существует определенная семантическая связь, но иногда «семантический анализ сложных слов связан с серьезными трудностями» [3]. Представляет интерес мысль В. И. Шадрина о том, что сложные слова, будучи «более удобными для целей номинации в структурном отношении, проигрывают синтаксическим единицам в семантическом плане, т. е. с точки зрения ясности и выразительности конкретизации значения определяемых компонентов» [5]. Употребление сложных существительных вместо соотносительных синтаксических конструкций значительно упрощает структуру предложения.

На основании просмотренных рекламных текстов мы можем сказать, что высокий удельный вес сложных слов в них мотивирован логической необходимостью и отражает активно действующую языковую тенденцию, имеющую экстралингвистическую обусловленность. Словосложение как наиболее продуктивный способ образования слов в языке немецкой рекламы очень быстро и в большинстве случаев удачно реагирует на постоянно изменяющийся покупательный спрос и моду. Общая доступность, точность, эффект неожиданности, быстрая запоминаемость помогают многим сложным словам из рекламных текстов занять свое место в общелитературном языке, поэтому мы не можем говорить о замкнутости словаря рекламы.

Постоянное возникновение новых структур связано с основным противоречием языка — между постоянно растущими потребностями говорящих к максимально точному выражению мысли и чувств и возможностями существующей системы языка. Если говорить о динамике словообразовательных процессов, то она такова: от системы к индивидуальной речи, а от нее к норме и к системе. Всякий акт словопроизводства, прежде чем «стать фактом нормы, проходит речевую стадию, но став достоянием нормы, оказывает обратное воздействие на систему» [4].

Список литературы: 1. Аврасин В. М. Некоторые наблюдения над текстами экономической рекламы. — В кн.: Немецкий язык и литературоведение. Челябинск, 1975, вып. 5, с. 3—10. 2. Былинович В. Н. Структурно-семантическая и функциональная характеристики основных частей речи в системе научно-технической терминологии. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук, Минск, 1977. 24 с. 3. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. М., Высшая школа, 1968. 200 с. 4. Черепанов М. В. Некоторые аспекты и принципы классификации глагольных словообразовательных структур. — В кн.: Вопросы теории и истории русского языка. Изд-во Саратовск. пед. ин-та, 1976, с. 3—33. 5. Шадрин В. И. Семантико-синтаксическое исследование сложных существительных в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук, Москва, 1977. 15 с. 6. Grosse S. Zur Sprache der Wirtschaftswerbung. — In: Strukturen und Interpretation, Wien/Stuttgart. 449 S. 7. Moser H. Entwicklungstendenzen des heutigen Deutsch. — Der Deutschunterricht, 1954, H.2. 8. Römer R. Die Sprache der Anzeigewerbung. Düsseldorf, 1968. 63 S.

Н. И. МАСЛОВА

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ДЕЕПРИЧАСТИЙ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Как справедливо отметил В. Н. Комиссаров, «одной из важнейших задач современного языкознания является теоретическое осмысление феномена межъязыковой коммуникации, осуществляемой с помощью перевода» [5, с. 3]. Потребности переводческой практики, а также усовершенствования методики преподавания иностранных языков и перевода обуславливают необходимость сопоставительных исследований грамматического строя различных языков, в частности в плане перевода явлений, не имеющих аналога в языке-объекте.

В данной статье исследуется проблема перевода русского деепричастия на английский язык. Её сложность заключается в отсутствии прямого аналога русскому деепричастию в английском языке, недостаточной разработке общей теории перевода, а также вопроса о морфологическом статусе и синтаксических функциях деепричастия в русском языке.

Природа деепричастия не имеет однозначного толкования, хотя все исследователи указывают на его двойственный наречно-глагольный характер. Так, В. В. Виноградов определяет деепричастие как «гибридную наречно-глагольную форму, которая возникла в процессе адвербиализации и располагается в смежной наречно-глагольной зоне» [3, с. 342]; Т. В. Лыкова считает его одной из атрибутивных форм глагола, соответственно включая в понятие глагол предикативные и непредикативные формы: инфинитив, причастие и деепричастие [7, с. 8]. Мы исходим из того, что деепричастие как микросистема в системе глагола имеет следующие типично глагольные признаки: а) значение процессуальности; б) типично глагольная сочетаемость, т. е. способность сочетаться с именем в синтаксической функции прямого дополнения и наречием; в) глагольные категории залога (оппозиция *купая* — *купаюсь*) и вида (*делая* —

сделав)*; г) словообразовательные свойства глагола, *купив, скупив, закупив*.

Положительными наречными признаками деепричастия являются типичные маркеры (*а, я, я/сь*); *в, вши, вши(сь)*; способность выступать в синтаксической функции обстоятельства.

К негативным наречным признакам относятся: отсутствие парадигмы финитного глагола, прежде всего форм лица, времени, наклонения; неспособность к предикатному функционированию.

Связь деепричастия с личным глаголом в структуре предложения вызывает необходимость рассмотрения глагольных категорий (форм), свойственных деепричастию в русском языке. Наиболее дискуссионным является вопрос о категориях времени и вида. Ряд исследователей (Л. Я. Браве, В. И. Смирнова, Н. Н. Слонимская) [2, 8, 9] считают, что существуют деепричастия настоящего и прошедшего времени. Однако, такое разделение не отвечает реальным языковым фактам, так как противопоставление деепричастий настоящего и прошедшего времени в парадигме глагола отсутствует. Обе формы на *в, вши* и на *а, я* имеют всегда только относительное временное значение, т. е. такое, которое в английском языке рассматривается как значение временной отнесенности или таксиса.

Понятие одновременности традиционно связывают с деепричастием несовершенного вида, а предшествования — с деепричастием совершенного вида. В действительности деепричастия как первого, так и второго видов могут обозначать действия предшествующие, одновременные и даже следующие за действием, обозначенным глаголом-сказуемым. Факты языка говорят о том, что эти понятия далеко не однородны. Противоречивость грамматических свойств деепричастия затрудняет определение его синтаксических функций. Исследователи вопроса определяют функции деепричастия по-разному. А. А. Шахматов, З. Д. Попова и А. В. Ананич считают его второстепенным сказуемым, Л. А. Дерибас, Г. Ф. Жукова — второстепенным сказуемым и обстоятельством, И. В. Васева, А. Г. Руднев и Т. В. Лыкова — предикативным обстоятельством. Последняя точка зрения представляется наиболее последовательной: в ней отражена двойственность связей деепричастия в предложении (с глаголом и именем); она не содержит противопоставления функции второстепенного сказуемого обстоятель-

* Возможно, что последняя оппозиция представляет категорию видо-временной отнесенности (таксиса), статус и семантическая структура которой во многом еще не изучены. Есть основания полагать, что у русского деепричастия есть присущая как личному глаголу, так и вербидам категория финитности [1, с. 106].

ственной; последовательно отобраны существенные признаки при определении частных функций деепричастия [7, с. 3].

Существует очень мало работ, в которых анализируется перевод русских деепричастий на материале художественной прозы. А в тех немногочисленных исследованиях и пособиях по переводу, где упоминаются способы передачи русского деепричастия на английский язык, рассматриваются в основном прагматические аспекты вопроса [4, с. 61—67]. Заслуживает внимания работа В. В. Смирновой [9, с. 3—24]. Используя для анализа произведения художественной прозы, в частности «Анну Каренину» Л. Толстого, автор выделяет два основных способа передачи русских деепричастий: тождественная передача (с помощью причастия настоящего времени) и синонимическая замена (с помощью придаточного предложения с личным глаголом-сказуемым или оборота с герундием). Однако на основании анализа различных переводов ряда произведений можно утверждать, что средств перевода русских деепричастий на английский язык значительно больше.

Автор данного исследования, опираясь на теорию «уровней эквивалентности», сформулированную В. Н. Комиссаровым [5, с. 38—39], проанализировал ряд произведений художественной прозы 19—20 вв., чтобы определить средства, наиболее полно раскрывающие «содержательную сторону коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода» [5, с. 40], в свете теории «уровней эквивалентности». Анализировался перевод 2000 предложений с деепричастиями на английский язык. Были сопоставлены наиболее ранние и позднейшие переводы различных произведений («Братья Карамазовы» — переводы на английский язык 1934 и 1964 гг.; «Анна Каренина» — переводы 1886 и 1962 гг.; «Тихий Дон» — переводы 1936 и 1975 гг.; «Русский лес» — перевод 1966 г.). Установлено более 20-ти способов перевода русского деепричастия на английский язык.

По нашим наблюдениям, к факторам, наиболее существенно влияющим на способ передачи деепричастия, следует отнести семантическую взаимосвязь основ глагола и деепричастия; координацию видовременных значений глагола и деепричастия; характер текста (авторская речь — диалог); тип предложения: позицию деепричастия в предложении; характер связи с лицом; различия в способах выражения грамматических категорий в различных языках. В данной статье мы остановимся на некоторых из них.

1. Функция деепричастия — способ перевода. В результате анализа установлено, что деепричастия несовершенного и совершенного видов во всех частных функциях общей предикативно-обстоятельственной функции (в определительно-обстоятельной, сопутствующего обстоятельства, относительного обстоя-

Перевод русских деепричастий на английский язык
(на материале произведений художественной литературы)

Способ перевода	Братья Карама- зовы		Анна Карени- на		Тихий Дон		Рус- ский лес
	1934 г.	1964 г.	1886 г.	1902 г.	1936 г.	1975 г.	1966 г.
PI non-perfect active	43,8	44	41,6	53,6	43,8	45,4	53,8
Личные формы глагола	21,6	16,4	22,4	19	23,4	20,6	17,6
Именные сочетания	7	7,8	6,2	8,6	3,6	5,4	5,8
Prp. + Ger.	6,2	9	5,2	4,6	2,4	2,6	7
PI perfect active	1,2	6,2	2,6	2,2	0,2	—	0,6
Сравнит. оборот с P I	2,4	4,6	2,4	1	0,8	0,2	0,2
Сравнит. оборот с P II	0,4	—	0,2	—	—	—	—
Абсол. оборот с P I	1,4	1,4	0,4	1,2	2,8	3,6	0,4
Абсол. оборот без прич.	—	—	0,6	1,4	1	0,8	0,6
Абсол. оборот с P II	0,8	1,2	0,4	0,8	3,8	3,4	2,4
Stative + Inf.	1,4	1	0,2	0,4	—	—	0,2
Stative	2,2	1	0,2	0,6	0,6	0,6	1,4
Inf. non-perfect active	1,4	0,6	1,4	1,0	0,4	0,8	0,6
P II	0,8	0,8	0,4	0,8	0,4	0,8	2,2
Inf. complexes	0,2	0,2	0,4	—	—	0,2	—
Герунд. в сост. сл. сказ.	0,2	—	0,6	0,2	0,2	0,2	0,2
Ger. perfect active	0,4	0,2	0,2	0,2	—	—	—
not + PI	1,2	0,2	1,2	0,8	0,4	0,4	1
Adverb	0,8	0,8	0,4	0,4	2,2	1	1,8
PI + Stative	0,2	0,2	—	—	—	—	—
Пропуски	6,4	4,4	12,6	2,8	14	14	4,2
Ger. indef. active	—	—	0,4	0,2	—	—	—

тельства) свободно передаются на английском языке с помощью PI non-perfect active:

«Ой, что вы, я только выгляжу молодо, — зардевшись отмахнулась Поля» (Л. Леонов, Русский лес, с. 10).

«Oh, no, I only look youthful», Polya protested, blushing (Leonov L. The Russian Forest, tr. from the Russian by B. Isaacs, Progressive Publ., M., 1966, p. 12).

«Присев на краешек чего-то, служившего вместо стула, Поля огляделась украдкой» (Там же, с. 11).

Sitting down on the edge of what served as an armchair, Polya took stealthy stock of her surroundings (Op. cit., p. 13).

2. Характер повествования — тип предложения — способ перевода. По нашим наблюдениям, деепричастия двух видов, употребленные в «авторском вводе» [10, с. 7—8], передаются в английском языке преимущественно синтетическими формами. Особенно интересно подчеркнуть, что деепричастия несовершенного вида в составе «авторского ввода» почти не передаются аналитическими средствами (92,8% причастие настоящего времени):

«Ну-с, признаюсь, вы меня теперь несколько ободрили, — усмехнулся Миусов, переложив опять нога на ногу» (Ф. Достоевский, Братья Карамазовы, с. 71).

«Well, sir», said Miusov with a smile, recrossing his legs (Dostoevsky F. The Brothers Karamasov, tr. from the Russian by K. Garnett. N. York, Grosset and Dunlap, 1934, p. 63).

«— Идем! — крикнул Петр Александрович, обращаясь к Калганову» (Там же, с. 87).

«Come, let's go!» cried Miusov, addressing Kalganov (Op. cit., p. 87).

Иногда в силу различных факторов деепричастие не может быть переведено с достаточной степенью эквивалентности с помощью PI non-perfect active. Тогда употребляются личные формы глагола в синтаксических конструкциях простого и сложного предложения. К числу упомянутых факторов отнесем:

а) Семантическую взаимосвязь основ личного глагола и деепричастия. Удаленность семантических составляющих сем глагола-сказуемого и деепричастия, а также необходимость подчеркнуть результативность действия деепричастия при наличии дополнительных лексических модификаторов, обуславливает употребление личных перфектных форм глагола, в то время как при общности семантических составляющих деепричастия и основного глагола доминирует «качественное значение деепричастия» [6, с. 10] и в переводе преобладает PI non-perfect active:

«Только что оставив графиню Банину, с которой он протанцевал первый тур вальса, он, оглядывая свое хозяйство, т. е. пустившихся танцевать несколько пар, увидел входившую Китти и подбежал к ней тою особенною, свойственную только дирижерам балов иноходью, и, поклонившись, даже не спрашивая, желает ли она, занес руку, чтобы обнять ее тонкую талию» (Л. Толстой. Анна Каренина, т. 1, с. 86).

«He had only just left the Countess Banin, with whom he had opened the ball. Surveying his domain, that is to say, the several couples, who had begun to dance,—he caught the sight of Kitty as she entered and hurried up to her with that easy saunter peculiar to masters of ceremonies, and, bowing, held out his arm to clasp her slim waist without even asking her consent» (Tolstoy L. Anna Karenina, tr. from the Russian by R. Edmonds, reprint, Harmondsworth, the Penguin classics, 1962, p. 92).

б) Характер текста — повествование — диалог. Как уже указывалось, деепричастия совершенного и несовершенного вида в авторском вводе передаются с помощью синтетических неличных форм, используемых для перевода русских деепричастий. Их соотношение может быть представлено пропорцией 1:8. Как отмечалось, в обстоятельственных структурах, сопровождающих глаголы авторского ввода, преобладает PI non-perfect active. Если же элемент предложения с деепричастием в русском языке передается в переводе элементом, соответствующим «ядру авторского ввода» [10, с. 6—7], он неизменно появляется в финитной форме:

«Молодой Щербацкий, поступив во флот, утонул в Балтийском море, и сношения Левина с Щербацким, несмотря на дружбу его с Облонским, стали более редкими» (Там же, с. 26).

«Young Sh. entered the navy and was drowned in the Baltic, so that in spite of his friendship with Oblonsky, Levin's association with the Sherb's became less intimate» (Op. cit., p. 28).

«У Анны Аркадьевны, — сказала графиня, объясняя сыну, — есть сынок восьми лет, кажется, и она никогда с ним не разлучалась...» (Там же, с. 70).

«A. A. has a little son of 8, I believe it is, explained the countess, and this is the first time they've ever been parted...» (Op. cit., p. 77).

в) Функция деепричастия — способ перевода. При переводе деепричастий в относительно-обстоятельственной функции, в которых различные темпоральные оттенки (предшествования — одновременности — следования) сочетаются с каузальными, уступительными, причинными, способа действия, причем последние весьма отчетливы, употребляются финитные формы глаголов в соответствующих придаточных предложениях:

«Все это пронюхал Ракитин, не утерпев и нарочно заглянув на игуменскую кухню, с которой тоже имел свои связи» (Ф. Достоевский, Братья Карамазовы, т. 1, с. 76).

«All this Rakitin sniffed out, for he could not resist the temptation to have a special look into the Farther Superior's kitchen where he also had his connection» (Dostoevsky F. The Brothers Karamazov, tr. from the Russian by D. Magarashack, London, Folio society, 1964, p. 75).

Таким образом, исследование дает основания для следующих предварительных выводов: русские деепричастия как совершенного, так и несовершенного вида свободно передаются с помощью *PI non-perfect active* (наблюдается определенная тенденция к избеганию аналитических форм для перевода русских деепричастий обоих видов); достижение «максимальной смысловой общности, возможной для текстов на разных языках» [5, с. 40], требует использования личных форм глагола в предложениях различных синтаксических типов; на выбор средств перевода влияют характер семантических связей деепричастия и основного глагола, характер текста (диалог — повествование), синтаксическая функция деепричастия.

Список литературы: 1. Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка, М., Высшая школа, 1975. 156 с. 2. Браве Л. Я. К вопросу о значении деепричастий совершенного вида. — Русский язык в школе, 1940, № 6, с. 24—26, с. 128. 3. Виноградов В. В. Русский язык. Учение о слове, М., Просвещение, 1972. 792 с. 4. Катцер Ю. М., Кунин А. В. Письменный перевод с русского языка на английский. М., Высшая школа, 1964. 408 с. 5. Комиссаров В. Н. Проблемы лингвистического анализа перевода. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук, М., 1975. 51 с. 6. Лыкова Т. В. Взаимодействие деепричастия и личного глагола в структуре предложения. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1975. 146 с. 7. Лыкова Т. В. Взаимодействие деепричастия и личного глагола в структуре предложения. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1975. 21 с. 8. Слонимская Н. Н.

Морфологическая система языка как объект сопоставительного исследования. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1974. 153 с.
9. Смирнова В. И. К сопоставлению причастных конструкций в английском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1953, 24 с.
10. Ткаченко Р. Г. Синтаксические конструкции прямой речи в английском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Киев, 1978. 28 с.

Е. И. НЕСТЕРЕНКО

**ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ УСЕЧЕННОЙ ФОРМЫ УКАЗАТЕЛЬНОГО
МЕСТОИМЕНИЯ *ça* В КАЧЕСТВЕ ЭЛЕМЕНТА, МАРКИРУЮЩЕГО
РАЗГОВОРНУЮ РЕЧЬ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА**

Анализу нейтральных указательных местоимений французского языка отведено значительное место как в общих трудах по грамматике, так и в специальных монографиях. (См. работы О. И. Богомоловой, А. Блинкенберга, К. де Бура, А. К. Васильевой, Р. Л. Вагнера и Ж. Пиншона, В. Г. Гака, М. Гревисса, Ж. Дамурет и Е. Пишона, Ж. Дюбуа, К. Зандфельда, Ж. и Р. Лебидуа, С. В. Леоновой, Ф. Мартинона, Н. А. Шигаревской и др.). Ученые подчеркивают, что эти местоименные формы обладают самым широким среди других групп местоимений обобщающим значением [3, 6]; отмечают их референциальные и субституционные свойства [1], неограниченные синтаксические возможности и большой диапазон употребления, указывают на разнообразие стилистической характеристики.

Особый интерес лингвистов вызывает необычайно широкое распространение и разнообразные морфологические и синтаксические аспекты функционирования усеченной формы указательного местоимения *ça*, которое почти все грамматисты определяют как эквивалент *cela* в разговорной речи. Ж. Дюбуа и Р. Поркье приводят следующие данные из «*L'élaboration du français fondamental*» par Gougenheim, Rivenc, Michea, Sauvageot. Didier, 1964: *ce, c'* — 6846, *ça* — 3972, *ceci* — 51, *cela* — 65 [11, 16]. Повышенное количество *ce, c'* объясняется «популярностью» оборота *c'est*.

Однако до недавнего времени большинство исследователей, обращая внимание на расширение сферы употребления усеченной формы *ça* за счет *cela*, считали, что форма *ça*, бытующая в разговорном стиле языка, является простонародной, грубовато-фамильярной и должна избегаться. Для К. Зандфельда, например, *cela* — форма правильная и даже изысканная, в то время как *ça* — фамильярная и вульгарная [13]. По свидетельству М. Козна, стенографистки, услышав *ça* в речи или докладе, согласно инструкции, исправляют его на *cela*. Сам М. Козн утверждает, что *cela* и *ça* имеют равные права на существование, а требование некоторых лингвистов употреблять исключительно *cela* является своего рода снобизмом [8]. Те

исследователи, которые не считали *ça* вульгарным и допускали правомерность его использования в разговорной речи образованных людей, интересовались, главным образом, употреблением *ça* в галлицизмах и его способностью в ряде случаев, весьма редких, иметь эмоционально-экспрессивную окраску [5].

В настоящее время уже нет необходимости доказывать, что *ça*, почти полностью вытеснив *сеси* и *села* в разговорной речи, проникая в книжную речь и даже научные тексты, практически утратило свою простонародную окраску и все чаще используется в стилистически нейтральных построениях. «*Çа* может заменять *села* во всех функциях настолько, что в произведениях некоторых современных писателей *села* употребляется для того, чтоб избежать повторения *ça*» [2, с. 86].

Тем не менее усеченная форма *ça* не потеряла свою стилевую соотнесенность (под термином стилевой мы, вслед за Н. А. Шигаревской, понимаем — относящийся к тому или иному стилю, стилистический — наделенный экспрессивной функцией) и остается элементом, маркирующим разговорную речь. Ж. Дюбуа рассматривает *села* и *ça* как два варианта кода: *села* — книжная речь, *ça* — разговорная речь. Эти местоимения находятся также в отношении: простая форма/эмфатическая форма, где *села* является эмфатической формой. Например:

Si cela ne vous plaît pas, vous pouvez partir (кн. речь или эмфаза).

Si ça ne vous plaît pas, vous pouvez partir (разговорная речь) [11].

При анализе функционирования нейтральных указательных местоимений ученые, как правило, кроме стилистических нюансов, не видят различий между *села* и *ça* (исключением являются работы А. Анри и Н. А. Шигаревской), а в приводимых ими примерах встречаются оба местоимения. Ж. Дамурет и Е. Пишон пишут, что обе эти параллельные формы эквивалентны в употреблении и функционируют как оттенки одного слова [10].

Однако *ça* не только завоевало все позиции *села* в разговорной речи, но и приобрело функции, которых *села* никогда не имело. Ранее простонародная форма *ça* потому и принята литературной нормой, что ее употребление тесно связано с развитием грамматического строя разговорной речи. Это очень «удобный» элемент, соответствующий основным тенденциям последней. Использование *ça* вместо *села*, постепенное стирание аффективной окраски и вовлечение *ça* в стилистически нейтральные построения обусловлены стремлением разговорной речи к сжатию слов, к большей фонетической однородности [17]. По словам Р. и Ж. Лебидуа, *ça* имеет преимущество быть кратким [14]. В то же время оно остается ударенной формой, что позволяет использовать его в выделительных конструкциях, столь свойственных разговорной речи. Так, *ça*

проникает в презентативы *c'est... qui* и *c'est... que*: *Ça n'était pas pour des idées qu'ils sont morts* [20, с. 191]. Хотя указательное местоимение *ça* не может находиться непосредственно перед *est* и *était*, язык все же имеет средство для использования ударенного *ça* вместо безударного *se*: глагол *faire* замещает глагол *être*, что придает еще большую выразительность высказыванию. Например: *Ça fait la troisième fois qu'ils me font revenir*. [19, с. 485]. Часто для усиления оборота *c'est* применяется препозитивное *ça*: *Ça c'est le comble du luxe* [20, с. 92]. Можно предполагать, что с этой функцией *ça* связана постепенно распространяющаяся в разговорной речи замена местоимения *se* усеченной формой *ça* в конструкциях с глаголом *être* [5]. Отмечая, что *ça* может употребляться вместо *se* в функции подлежащего как antecedent относительного предложения, С. В. Палятинская приводит следующий пример: *C'est peut-être ça, qui le fait bien voir des salauds* (А. Stil) [2]. Нам представляется, однако, что вторая часть высказывания не является собственно относительным предложением. Ударная форма *ça* заменяет здесь безударное *se* в качестве элемента, выделенного при помощи презентатива *c'est... qui* (ср. замену в подобных конструкциях *me* на *moi*, *te* на *toi*).

Отвечая тенденции разговорной речи к экспрессивности, *ça* может употребляться как усилительная частица при словах-предложениях *oui*, *non*. При этом оно примыкает препозитивно к слову-предложению: *ça oui*, *ça non*. *Je dirai à Rose de venir vous voir... — Ah! ça non!* [19, с. 612]. Здесь *ça* полностью не утратило своего указательного значения и соотносит *oui* или *non* с предыдущим высказыванием. Поэтому представляется неправомерным утверждение некоторых лингвистов о том, что в данном случае имеет место употребление междометия *ça*, а не указательного местоимения *ça*.

Благодаря оттенку нейтральности, еще более ярко выраженному, чем в *cela*, *ça* способно обозначать предмет или явление, название которого неизвестно или его не желательно указывать. Например, эвфемическое употребление *ça*, когда речь идет о несчастном случае, болезни: *Comment a-t-il attrapé ça?* [14]; или: *Dites, donc, Lebecq, vous avez vu ça, vous?* [18, с. 460] (подразумеваются листовки). Некоторые писатели (Ж.-П. Сартр, например) часто используют усеченную форму *ça* в значении неопределенности, чтобы выразить нечто самому автору неизвестное. Еще неопределеннее *ça* в структурах, подчеркивающих болезненное состояние человека, в которых референт неизвестен: *... Ils déguelaient encore... ça devait leur faire mal quelque part...* [18, с. 285]. Здесь трудно определить, относится *ça* к предикатной или предметной референции [1].

Как отмечает Н. А. Шигаревская, усеченная форма *ça* участвует также в построениях, отражающих тенденцию син-

таксиса разговорной речи к снятию инверсии на уровне предложения и синтаксических групп. По мнению автора, *ça* не имеет соотносимого местоимения для построения предложения с инверсией (в отличие от полной формы *cela*, соотносимой при инверсии вопроса с местоимением *il*). Поэтому при подлежащем — указательном местоимении *ça* прямой порядок слов обязателен [6]. Например: *Ce remaniement ministériel, ça cache quoi?* [18, с. 270]. *Pourquoi ça me dérangerait?* — ...alors si je regardais les jolies filles... *ça te serait égal?* [18, с. 520]. В объектной синтаксической группе *ça* способствует унификации местоположения дополнений в постпозиции, имея ряд преимуществ перед личным объектным местоимением 3-го лица: обязательную постпозицию по отношению к сказуемому, что позволяет «стянуть» предикатную группу (субъектное местоимение и глагол); единую неизменную форму, соотносимую с существительными любой родовой принадлежности и любого числа, а также с целым высказыванием; способность замещать имя существительное со значением определенности и неопределенности и выполнять все функции приглагольных местоимений (субъектных и объектных) [6]. Еще А. Фрей утверждал, что *J'y ai pensé* — нерегулярная форма, тип будущего: *J'ai pensé à ça*, а *Je vous le donne* уступит место *Je vous donne ça* [12]. *Ça* обычно замещает существительное со значением *не-лица*, а личное местоимение соотносится с существительным, называющим лицо, т. е. происходит своеобразное распределение функций между «конкурентными формами указательного и личных местоимений». Создается оппозиция одушевленности/неодушевленности, которая поддерживается соответствующим противопоставлением в системе неопределенных местоимений: *il, elle, ils, elles/ça; le, la, les/ça; en/de ça; y/à ça; personne/rien; quelqu'un/quelque chose*. При предметной референции, «конкурируя» с личными объектными местоимениями, *ça* создает также оппозицию: общее/специфическое: *Vous aimez la musique? Oui, j'aime beaucoup ça. Vous aimez cette musique? Oui, je l'aime beaucoup*. При объяснении выбора того или иного местоимения следует учитывать фактор импликации: *Tu as vu Pierre? Oui, je l'ai vu. Tu as vu Pierre? Oui, j'ai vu ça* (то, что с ним случилось) [15].

Оппозиция *ça/on* также может отражать отношения одушевленности/неодушевленности: *On ne me dit rien/Ça ne me dit rien*. Ж.-П. Сартр очень тонко использует возможности этой оппозиции, предпочитая обозначить весьма неопределенный субъект указательным местоимением *ça* вместо *on*, так как последнее, хотя и неопределенное, все же соотносится с одушевленным существительным: *On me voit; non. Même pas: ça me voit (J.-P. Sartre)*. Пример заимствован у М. Крессо [9].

Çа может также выступать заместителем личного местоимения в роли приглагольного субъекта, чаще в сегментированных фразах. В тех случаях, когда существительное уже определено в роде и числе, разговорная речь избегает эксплицитного выражения этих категорий. Функционирование çа в таких условиях следует считать нормой разговорной речи; маркированностью çа, противопоставленного немаркированному нейтральному употреблению *il(s), elle(s)* [6]: *Et les parfums, çа prend tournure...* [19, с. 335]. — *Çа, les bronchites, çа n'est ni prévu ni bien vu* [18, с. 332].

Все исследователи видят в соотношении çа с одушевленными существительными проявление его стилистической экспрессивной функции. Этот стилистический прием предусматривает метафорическое «опредмечивание» человека, в результате чего оборот приобретает несколько фамильярно-сниженный оттенок [3]. Однако степень экспрессивности таких структур зависит от синтаксических условий и типа существительного, с которым соотносится çа. «...Иногда оттенок слабо выражен, и подобное употребление вполне может послужить отправной точкой для нового синтаксического построения» [7, с. 80]. Во всяком случае, механизм аффективности данных конструкций требует изучения.

В разговорной речи наметилась и обратная тенденция: нарушение структурной завершенности синтаксических групп. Это явление наблюдается при сегментации, когда прямое дополнение çа находится в препозиции к субъекту, что также способствует стяжению глагола с субъектным местоимением. При этом дополнение сегмента не повторяется в глагольной части: *Çа je (ne) sais (pas), çа je (ne) crois (pas)* [12].

Усеченная форма çа вовлекается в образование некоторых безличных конструкций, что связано с ясно прослеживающейся линией развития категории подлежащего от конкретного к абстрактному, от личного к безличному, с широким распространением безличности во французском языке [4] и с неспособностью безличного местоимения *il* достаточно хорошо выполнять свои функции из-за устойчивости *il* мужского рода [13]. В то же время çа, являясь самым общим словом, не соотносясь ни с каким конкретным предметом, если нет на то специального сигнала в тексте, способно служить формой выражения безличности [6]. К тому же безличное употребление çа имеет глубокие корни в языке (ср. *çа va, çа у est*). Так, сочетания çа с непереходными глаголами в абсолютном употреблении типа *suffire, tonner, souffler, glisser* вне макроконтекста воспринимаются и как личные, и как безличные формы: *Le vent se lève. Il souffle fort. Il fait mauvais. Il souffle fort.* Поэтому разговорная речь, тяготеющая к максимально усеченным конструкциям, изыскивает

однозначные способы выражения безличности. Эти конструкции служат для называния явлений природы, условий протекания действия и любого состояния вообще: *Au dehors, ça souffle, mais il ne pleut plus* [18, с. 442]. О продуктивности данной модели свидетельствуют постоянно возникающие в речи новые соединения с глаголами в непереходном употреблении: *ça tape, ça roule* и т. д. В некоторых из них еще ощущается анафорическая функция *ça*, в других она полностью стерлась [6]. А. Анри видит в структурах этого типа стремление речи выделить, изолировать глагольное действие. *Ça* здесь является настоящим внутренним подлежащим [13]. Так как разговорная речь часто использует непереходные глаголы для называния явлений природы, то, по аналогии, *ça* иногда замещает *il* и в построениях с собственно безличными глаголами, обозначающими метеорологические явления: *ça pleut, ça neige*. Не обусловленные функциональной необходимостью, эти конструкции остаются пока просторечными.

Ça может замещать безличное местоимение *il* и в конструкциях с оборотом «*il est + предикатив*», где оно конкурирует с элидированной формой *c'*. Указательное местоимение *ce* стало появляться вместо *il* в безличном обороте «*il est + предикатив*» в результате аналогичного влияния выделительного оборота *c'est... que*, распространения плеоназма в целях подчеркивания элементов высказывания, увеличения роли сегментации в разговорной речи. Ср.: *Il est honteux d'agir ainsi* и *C'est honteux d'agir ainsi*. Второе высказывание выразительнее, сильнее. Но частое употребление эмфатического оборота привело к стиранию его стилистической нагрузки. Поэтому в разговорной речи появился новый способ выделения: вместо элидированного *c'* употребляется ударная форма *ça*: *Nous autres, ça nous est moins commode de tirer sur un bonhomme pour des questions de principes...* [20, с. 213].

Достаточно полного исследования, охватывающего все стороны функционирования, все семантические и стилистические оттенки усеченной формы указательного местоимения *ça*, еще нет. Необходимость такого исследования диктуется активной ролью *ça* в синтаксисе разговорной речи, которая является непосредственным источником книжной речи. Эта проблема представляет интерес для определения путей развития грамматического строя французской разговорной речи.

Список литературы: 1. *Леонова С. В.* Семантические функции указательных местоимений *celui, ça* и их роль в формировании простых и сложных предложений. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1977. 20 с. 2. *Палятинська С. В.* Вказівні нейтральні займенники *cela i ça* у функції підмета неособових речень сучасної французької мови.— В кн.: *Іноземна філологія*, вип. 15, Львів, 1972, с. 86—91. 3. *Пиотровский Р. Г.* Очерки по стилистике французского языка. Л., Учпедгиз, 1960. 224 с. 4. *Потанова М. Д.* О структурной роли подлежащего в современном французском

языке. — Иностр. яз. в школе, 1976, № 3. с. 13—19. 5. *Шигаревская Н. А.* Наблюдения над употреблением усеченной формы указательного местоимения *ça* в современном французском языке. Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1957, вып. 29, с. 69—77. 6. *Шигаревская Н. А.* Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. 216 с. 7. *Blinkenberg A.* L'ordre des mots en français moderne, t. 1, Copenhagen, 1928. 247 p. 8. *Cohen M.* Nouveaux regards sur la langue française. Paris, 1963. 315 p. 9. *Cressot M.* Le style et ses techniques. Paris, 1971. 204 p. 10. *Damourette J.* et *Pichon E.* Essai de grammaire française. Des mots à la pensée, v. 5, Paris, 1911—1940. 710 p. 11. *Dubois J.* Grammaire structurale du français: nom et pronom. Paris, 1965. 189 p. 12. *Frei H.* La grammaire des fautes. Paris, 1929. 317 p. 13. *Henry A.* Considération sur la fortune de *ça* en français. Etudes de Syntaxe Expressionnelle. Paris, 1960. 96 p. 14. *Le Bidois G. et R.* Syntaxe du français moderne. Paris, 1935. 546 p. 15. *Porquier R.* L'emploi de *ça* en français parlé. Le français dans le monde, 1972, N 91, p. 9—16. 16. *Sandfeld K.* Syntaxe du français contemporain, v. 2, Paris, 1928—1943. 390 p. 17. *Sauvageot A.* Les procédés expressifs du français contemporain. Paris, 1957. 240 p. 18. *Aragon L.* Les communistes. Editeurs Français Réunis, 1967. 19. *Aragon L.* Aurélien Gallimard, 1944. 20. *Sartre J.-P.* Les mains sales. Gallimard, 1948.

В. И. ОДИНОВА

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ СЛОВА В ЕГО СВЯЗИ С МЕТОНИМИЧЕСКИМИ ПЕРЕНОСАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

При исследовании имени существительного в синхронном плане нельзя упускать из виду особенностей семантических изменений, которые наблюдаются в случаях так называемого метонимического переноса. До последнего времени данный процесс рассматривался исключительно в плане диахронии, однако анализ конкретного материала убедительно доказывает, что процесс метонимического переосмысления играет очень важную роль в синхронной организации лексической системы.

Анализ причин возникновения метонимических переосмыслений показал, что их появление вызвано своеобразным «принципом экономии» в языке, который представляет собой эллиптическое сжатие определенной модели высказывания, являющегося косвенным выразительным средством, «которое проявляется в опущении одного или нескольких языковых элементов, некогда необходимых для определения смысла целого, но на современном этапе развития языка уже не возникающих в сознании говорящего» [1, с. 177]. Например:

Les porte-plumes distribués, il se coiffa d'un petit feutre rond et disparu... [30, p. 31];

...Et l'instant d'après l'inspecteur relevait le col de sa gabardine et s'élança dans la rue [27, p. 125];

— C'est pourtant vrai, dit Gabriel pendant qu'on passe devant le tabac, celui-là j'y suis jamais allé [31, p. 17].